



**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

ЧЕРНАЯ БЕЗДНА

Валерий Георгиевич Роцин

Черная бездна

Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948985
Черная бездна / Валерий Роцин: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58551-9

Аннотация

В далеком 1943 году гитлеровский фельдмаршал Роммель, награбив золота, драгоценностей и редких артефактов, спрятал сокровища в глубинах Средиземного моря. Об этом знал очень ограниченный круг людей, в том числе оберфюрер Рауфф и оберштурмфюрер Шрайбер, которые дожили до наших дней. Тайна «золота Роммеля» не давала покоя ни бывшим нацистам, ни масонскому обществу «Комитет». За кладом начинается настоящая охота, в которую случайно оказался вовлечен командир особого отряда боевых пловцов капитан Черенков. Офицер проводил отпуск на том самом теплоходе, где разрабатывали планы опасные авантюристы, готовые ради сокровищ пойти на самые крайние и бесчеловечные меры...

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	38
Глава четвертая	53
Глава пятая	65
Глава шестая	77
Глава седьмая	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Часть первая

ТАТУИРОВКА

Пролог

Берлин, резиденция Генриха Гиммлера

Весна 1943 года

Пробежав взглядом очередной документ, Гиммлер поставил внизу свою ровную, убористую подпись. Секретарь аккуратно промокнул свежие чернила и положил сверху следующий лист. Рейхсфюрер углубился в чтение...

Внезапно высокая массивная дверь открылась, и в кабинет проскользнул адъютант.

Выждав секунду, он доложил:

– Рейхсфюрер, прибыл доктор Ханс Виммер из «Аненербе».

Хозяин кабинета поднял голову, отложил ручку и знаком повелел секретарю удалиться. Тот поспешно исчез.

– Пусть войдет. И пригласите Кристиана Рауффа...

В кабинете появился пожилой мужчина в гражданском костюме, в руках он держал портфель и темную шляпу.

Гиммлер небрежно подал руку.

– Чем порадуете, Ханс? Нашли то, о чем я просил?

Волнуясь, тот вытащил из портфеля карту:

– Да-да. Я все сделал... – Разложив ее на столе, разгладил ладонями складки на плотной бумаге, вооружился карандашом и почтительно посмотрел на рейхсфюрера...

Гиммлер производил впечатление интеллигентного учителя из начальной школы провинциального городка. Под невысоким гладким лбом поблескивали стекла пенсне. Подстриженные усы под прямым носом выделялись контрастным пятном на бледном лице. Тонкие бескровные губы иногда складывались в едва заметную ироничную или презрительную усмешку, обнажавшую ослепительно-белые зубы.

Поднявшись из кресла, он обошел стол и склонился над картой.

– Я вас слушаю.

– Пожалуйста, взгляните сюда, – острое карандаша нависло над Средиземным морем. – Здесь, между Корсикой и Сардинией, находится пролив Бонифачо.

– Зачем нам пролив? – нетерпеливо перебил рейхсфюрер.

– В северной части пролива расположен небольшой архипелаг под названием Лавецци.

– Да. Вижу. И что с того?..

Сбоку у окна колыхнулась портьера, и Гиммлер с Виммером оглянулись.

У двери стоял высокий подтянутый офицер в черном мундире с петлицами оберфюрера. Темные волосы, бледная кожа лица и шеи, прямой нос и волевой прямоугольный под-

бородок.

– Присоединяйтесь, Рауфф, – пригласил рейхсфюрер. – Вам стоит послушать. А вы продолжайте...

Оберфюрер бесшумно подошел к столу.

Виммер снова обратился к карте, очертив группу крохотных желтых точек на синем фоне.

– Так вот, мной установлен следующий факт: по крайней мере один из южных островов архипелага то пропадает с поверхности моря, то появляется вновь. Причем периодичность циклического движения составляет от пятидесяти до трехсот лет.

Гиммлер медленно поднял взгляд на доктора и поправил пенсне, отчего стекла на мгновение ослепили отражением яркого весеннего солнца.

– Это интересно, – произнес он довольным тоном. – Расскажите подробнее.

– Я давно занимаюсь геофизическими исследованиями, и, поверьте, подобное явление – не редкость. Когда вы поручили мне подыскать укромное место между Африкой и Европой, я сразу понял, что именно следует предложить. Вот... – Грифель оставил бледный след вокруг маленького острова. – Это остров Дьявола – клочок каменной суши, имеющий в поперечнике всего сотню метров. Кто бы мог представить?! Ведь десять лет назад он был вчетверо больше!

Рейхсфюрер недоверчиво прищурился.

– Откуда вы знаете, Ханс? Кто-то наблюдал за островом

и вел записи?

– Я видел это собственными глазами, – смешно развел руками ученый. – Я лично присутствовал на острове с экспедицией в тридцать третьем году и исследовал его вдоль и поперек.

Гиммлер еще раз взглянул на архипелаг, вернулся в кресло и спросил:

– Почему у него такое... странное название?

– Не могу ответить точно – история названия в моих архивах не сохранилась. Рискну предположить, что так его окрестили далекие предки современных итальянцев за способность периодически исчезать под водой.

– Как выглядит остров? – подал голос Рауфф. – Он обитаем?

– Нет. Он состоит из округлых валунов, слишком мал по площади и совершенно не пригоден для жизни. Его избегают даже местные рыбаки.

– Почему?

– Там просто нечего делать! – вновь развел руками Виммер.

– Когда, по вашим расчетам, он окончательно уйдет под воду?

– В ближайшие год-полтора, – принялся сворачивать карту доктор.

– Оставьте ее нам, Ханс, – потребовал рейхсфюрер.

– Да-да, конечно.

– А как надолго остров исчезнет с поверхности пролива?

– Не менее чем на сотню лет. А может быть, и на более долгий срок.

Глава Министерства имперской безопасности побарабанил пальцами по столешнице и многозначительно посмотрел на оберфюрера. Затем обратил ледяной взор на доктора:

– Что ж, вы неплохо поработали. Надеюсь, вам не надо повторять о необходимости держать язык за зубами?

С лица ученого вмиг слетело довольное выражение.

– Мой рейхсфюрер, я всегда помню об этом! – И, откланявшись, Виммер исчез за дверью.

– Что скажешь, Кристиан? – выдержав долгую паузу, негромко поинтересовался Гиммлер.

– На мой взгляд, лучшего места не придумать.

– Вот и я того же мнения, – нажал рейхсфюрер кнопку вызова.

Адъютант появился ровно через секунду, словно ждал за дверью.

– Штурмбаннфюрера Шмидта ко мне. Срочно!

– Слушаюсь...

Никто в Министерстве имперской безопасности не догадывался, какими вопросами ведает оберфюрер Рауфф. Зато адъютант хорошо знал одну малоприметную особенность: после тайных совещаний с оберфюрером настроение Генриха Гиммлера неизменно улучшалось. Однако знал он и другую особенность характера всемогущего шефа: его милость и

благодостное расположение духа могли мгновенно смениться яростью и беспощадным гневом.

А посему на поиски офицера по особым поручениям Франца Шмидта отрядили два десятка посыльных адъютантов.

Спустя двадцать пять минут секретарь вновь стоял сбоку от начальственного стола и с лакейской почтительностью промокал свежие подписи на документах. Вновь открылась массивная дверь, и в кабинет бесшумно проскользнул адъютант. Подобострастно застыв и выждав положенную секунду, он доложил:

– Рейхсфюрер, прибыл Франц Шмидт.

Отложив ручку, Гиммлер махнул рукой секретарю, чтобы тот покинул кабинет.

Порог нетвердой походкой переступил молодой эсэсовец. Мундир был идеально чистым и отглаженным, зато помятость лица выдавала бурно проведенную ночь.

– Хайль Гитлер! – вытянул он правую руку.

– Франц, ты все еще снимаешь стресс? – недовольно оглядел подчиненного рейхсфюрер.

– Прошу простить, но... – смутился Шмидт, – последняя операция в Венгрии отняла много нервов и сил.

– Знаю. Как себя чувствуют члены дивизеншутцкоммандо?

– Прекрасно, рейхсфюрер.

– Мои любимцы оберштурмфюреры Флейг и Шрайбер

здоровы?

– Вполне. Мы готовы к выполнению очередного задания.

– Это хорошо. Очень хорошо. Кстати, о новом задании.

Присаживайся, Франц, – у нас впереди долгий разговор...

Ровно через час Генрих Гиммлер встал, приобнял молодого штурмбаннфюрера, крепко пожал ему руку и проводил до двери, чего не удостаивались даже высшие офицеры СС.

– Последние инструкции получишь от оберфюрера Рауффа. Он же проводит вашу группу на аэродром.

– Хайль Гитлер! – выбросил вперед правую руку Шмидт и исчез в коридоре.

Вернувшись к столу, рейхсфюрер произнес в пустоту кабинета:

– Ты все слышал, Кристиан?

В углу за кожаным диваном открылась неприметная дверь, и из темноты смежной комнаты появился оберфюрер.

– Да, – кивнул он. – На него можно положиться?

– А ты разве о нем не слышал?

– Нет.

– Вот видишь. О нем знает всего несколько человек в рейхе, а между тем он со своей командой провернул полтора десятка опаснейших операций.

– И вам его не жалко? – усмехнулся Рауфф.

– Нет! – резко обернулся Гиммлер. – И тебе, Кристиан, я запрещаю упоминать о жалости!

Подобравшись, оберфюрер согнал с лица беспечность.

Хозяин кабинета подошел к радиоприемнику, покрутил ручку настройки и, не оборачиваясь, бросил:

– Иди, Кристиан. Иди и хорошенько обдумай детали этой операции. Все должно быть стерильно...

Глава первая

Российская Федерация, подмосковная база Особого отряда боевых пловцов «Фрегат-22»

Наше время

Раннее утро. Спускаюсь по короткой лесенке на мини-плац – асфальтированную дорожку, соединяющую несколько строений: штаб, кафе, учебный корпус, офицерское общежитие и спортивный комплекс. Во времена исторического материализма в здешнем сосновом лесу размещался профилакторий одной известной советской организации. Теперь обитаем мы – боевые пловцы отряда особого назначения.

На асфальте ровной шеренгой стоят парни в одинаковой камуфляжной форме. Мой заместитель Георгий Устюжанин докладывает о готовности новичков к прохождению тестов.

Здоровуюсь и выслушиваю дружный ответ.

Новичков, а точнее, кандидатов в наш отряд, шестеро. Они молоды, энергичны, искренне верят в чудеса и собственное бессмертие. Первые два качества в нашей работе пригодятся, а два последних я постараюсь вытравить так, чтобы от них не осталось и следа. Не у всех шестерых, а у тех, кому посчастливится остаться в наших рядах.

Медленно идем с Георгием вдоль строя, вглядываясь в лицо каждого новобранца. Останавливаюсь напротив высокого

шпатена с россыпью веснушек на щеках и скулах.

– Старший лейтенант Рогов, – представляется он.

– Откуда прибыли?

– Школа младших специалистов Черноморского флота.

– Какую должность занимали в школе?

– Старший инструктор водолазного дела.

Не самый худший вариант.

Подходим к следующему. Ростом он чуть ниже, но в плечах пошире.

– Старший лейтенант Панин, – рапортует он. И сразу уточняет: – Севастополь. Бригада спасательных судов Черноморского флота.

– Кем служили в бригаде?

– Заместителем командира аварийно-спасательной партии.

Ага, значит, имеется опыт погружений с дыхательным аппаратом – это неплохо. Правда, взгляд надменно прищуренных глаз излишне самоуверенный и даже нагловатый, губы того и гляди растянутся в ехидной улыбочке. На физиономии буквально написано: «Да вы поглядите на них! Они же салаги! Им морские узлы надо поучиться вязать!..» Я знаком с такой породой людей и распознаю их по трем нотам. Впрочем, иногда случаются и ошибки, поэтому не будем забегать вперед и дадим ему шанс попытать счастья.

Следующая пара офицеров прислана с Тихоокеанского флота. Пятый с Севера, а последний – коренастый мичман

– переведен к нам с Балтики. Как ни странно, но мичман – единственный из новичков, кто ходил на глубину с ребризером.

Ну, вот и познакомились. Вздохнув, возвращаюсь на середину. Устюжанин не отстаёт...

Настроение не очень. Ранее специальной подготовкой боевых пловцов занимался штат замечательных профессионалов в секретной школе, входящей в одно из управлений Комитета государственной безопасности. Ее-то и окончило большинство ветеранов моего отряда. В те времена нас распределяли по частям и отрядам, где мы с ходу включались в серьезную работу. Старики нас, конечно, опекали – все-таки молодецкий возраст, эмоции, отсутствие опыта... Тем не менее мы умели практически все.

А сейчас по-другому. В пылу реформ и модернизации о школе забыли, финансирование прекратилось. В результате учебная база пришла в упадок, инструкторы и преподаватели разбежались. С тех пор «доводкой» подводного спецназа приходится заниматься нам – командному составу элитных отрядов. Сначала отбираются кандидаты – хорошо развитые физически, прошедшие первоначальную подготовку, а главное, желающие стать боевыми пловцами. Затем мы устраиваем для них тесты и оставляем наиболее подходящих. Ну а потом начинается настоящее обучение.

С одной стороны, это неплохо – учить новобранцев непосредственно в отряде. Молодежь при подобной методике

впитывает знания и навыки не в декоративных водоемах, а в процессе решения сложных боевых задач. С другой стороны, иногда такие эксперименты выходят боком – вместо того чтобы полностью отдаться выполнению поставленной задачи, мы вынуждены присматривать за дебютантами.

Открываю блокнот и достаю из кармана карандаш:

– С аквалангами все работали?

– Все, – кивают они.

– Максимальные глубины?

– Тридцать пять.

– Сорок.

– Полтинник.

– Около шестидесяти...

Обычные значения. Покруче, чем у дайверов-любителей, но заметно слабее показателей тех, кто пару лет прослужил во «Фрегате».

– Итак, товарищи курсанты, приступим.

– Товарищ капитан второго ранга, мы уже давно не курсанты, – напоминает кто-то из новичков.

Не поднимая головы, парирую:

– До тех пор, пока не пройдены испытательные тесты, вы все для меня курсанты. Кстати, в штате отряда всего пять свободных должностей, а вас шестеро. Кто лишний? – И смотрю на них нарочито строгим взглядом...

Молчат.

– Что ж, в таком случае определим слабое звено практи-

ческим путем. Но для начала скажу несколько фраз, дабы вы имели представление, куда намереваетесь попасть...

Итак, пора представиться. Я – Евгений Арнольдович Черенков. Чистокровный славянин ростом под два метра и весом чуть более центнера. Мне тридцать шесть. Я ношу погоны капитана второго ранга и командую особым отрядом боевых пловцов «Фрегат-22». Мои подчиненные – люди особого склада и закалки, прошедшие уникальную по сложности подготовку. Таких, как мы, – не более сотни на всю Россию, что невероятно мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений, да и методика нашей подготовки является собой тайну за семью печатями. Когда-то советским пловцам приходилось учиться у итальянцев, немцев и англичан, а сейчас эти господа не прочь позаимствовать кое-что из наших технологий создания идеального боевого пловца.

Моя карьера стартовала так давно, что я с трудом припоминаю, с чего и как начинал. Мама была профессиональным музыкантом и получала гроши, но мы не бедствовали. Она давала мне двадцать копеек в день, а я умудрялся на эти деньги прилично питаться в школьном буфете.

В первые двадцать лет жизни мне отчаянно везло: я рос здоровым и бесплатно получал хорошее образование, верил в справедливость и никого не боялся: ни бандитов, ни педофилов, ни врачей, ни милиционеров. Пока я был несмышленным, мама трижды в неделю приводила меня в общедоступный бассейн, что располагался в трех кварталах от дома,

и сдавала тренеру – седовласому добряку Вениамину Васильевичу. С ним тоже сказочно повезло: во-первых, он был заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы, а во-вторых, когда я поумнел и окреп, он взял меня с собой на Черное море, где к обычному снаряжению добавилась диковинная штукавина – акваланг. С той незабываемой поездки морские глубины стали для меня мечтой всей жизни.

Так незамысловато и буднично легкое увлечение, навязанное мамой «для общего развития мальчишеского организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру: я показывал неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки. И ковал свое будущее.

Первый тест, на который я отправил шестерку курсантов, ласково именуется «тридцаточкой». По сути, это обыкновенный марш-бросок по кольцевому маршруту вокруг соснового бора, но с двумя изюминками: дистанция – тридцать километров, вес снаряжения – тридцать килограммов. Собственно, поэтому сия экзекуция и получила соответствующее название.

Маршрут испытания отработан до мелочей: через пять-семь километров стоят мои ребята в качестве контролеров и санитаров. К тому же вместе с испытуемыми бежит наш инструктор по физической подготовке – он также будет следить за точностью исполнения теста и состоянием парней.

Дав старт, мы с Георгием идем завтракать – времени до финиша предостаточно...

Чтобы попасть в ряды «Фрегата», необходимо просто преодолеть дистанцию легким бегом – не останавливаясь и не переходя на шаг. Справился – милости просим. Разок сбился, расслабился – до свидания. К слову, после зачисления ту же «тридцаточку» боевому пловцу придется бегать уже на время. А это гораздо сложнее.

В кафе, расположенном на территории нашего отряда, никого. Поздоровавшись с Антониной Ивановной – нашей бесшменной поварихой – мы выбираем блюда и присаживаемся за дальний столик. Мысли крутятся вокруг молодого пополнения; невольно вспоминается и собственная молодость...

К моменту окончания средней школы я стал двукратным чемпионом России среди юниоров по подводному плаванию. Скорее всего, на этих соревнованиях меня и заметили ребята из засекреченных спецслужб. За три месяца до выпускного вечера я получил вежливое приглашение в Управление КГБ. В душевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в Питерское высшее военно-морское училище.

Помню, тогда я задал единственный вопрос:

– А к подводному плаванию моя будущая служба имеет отношение?

– Только к ней и имеет, – заверил дядька в штатском костюме.

Дав согласие, я примерил курсантскую форму и в течение двух лет постигал азы военной службы с практикой на ко-

раблях и подводных лодках.

КГБ тем временем лихорадило от реформ и бесконечных переименований. Как только не называли нашу «контору» – КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов первые лица государства наконец-то определились – правопреемницей ФСК стала Федеральная служба безопасности.

Минули еще два года напряженной, но крайне интересной учебы. Сдав последние экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление в недавно созданный отряд боевых пловцов «Фрегат-22».

Все шестеро с первым тестом справились и снова стоят на «плацу». В насквозь мокрой от пота камуфляжке, усталые, но непобежденные.

– Кто-нибудь входил в подлодку через торпедный аппарат? – интересуюсь я.

Молчат. Крутят головами.

– Понятно. Через двадцать минут построение у входа в спортивный комплекс. Форма одежды – трико, футболки.

– А что нас там ждет?

– Тест под названием «Труба», – чеканит слова Устюжанин.

Все пловцы из отряда «Фрегат» имеют за плечами неплохую подводную подготовку – как теорию, так и практику. Однако не всякому доводилось ходить на подлодках и

тем паче покидать ее через торпедный аппарат. А в нашей специфике похожий экстрим случается довольно часто. Вот и приучаем новичков к «прелестям» замкнутого пространства.

Ровно через двадцать минут мы с Георгием вновь проходимся перед шеренгой новичков.

– Следующий тест не потребует от вас много сил, – уточняю, переглянувшись с давним товарищем. – Он скорее психологический. Видите яму с бетонными краями?

– Так точно, – отвечает нестройный хор голосов.

– Можете рассмотреть поближе.

Подойдя к краю ямы, молодые мужчины с интересом и опаской осматривают горизонтально лежащую на дне трубу длиной около девяти метров.

Устюжанин объясняет:

– Ее диаметр пятьсот тридцать три миллиметра, что в точности соответствует внутреннему диаметру торпедного аппарата. Ваша задача – ползком преодолеть препятствие.

Посмеиваясь над простотой задания, курсанты сбегают вниз и по очереди исчезают в темном жерле трубы. Проходит минута, и на другом конце появляется довольная физиономия первопроходца. За ним вылезает другой, третий, четвертый...

Позволив им насладиться маленькой победой, даю знак сотруднику технического персонала, дежурящему у вентиля на противоположном краю ямы. Вскоре новички прозревают

и с грустью глядят на льющуюся по бетону воду.

Наконец уровень воды доходит до середины трубы.

– Довольно, – делаю знак технику.

А Устюжанин приглашает:

– Прошу, господа.

Чертыхаясь от неприятных ощущений, испытуемые снова исчезают в отверстиях. Теперь для преодоления макета торпедного аппарата им понадобится несколько минут. За это время капитан-лейтенант Маринин – один из самых молодых пловцов «Фрегата» – приносит и раскладывает на брезентовом «столе» снаряжение для последнего этапа теста под названием «Труба». На «столе» два полных комплекта: гидрокombинезоны сухого типа, маски, ласты, простенькие акваланги, фонари и один автомат.

Заношу результаты пройденного теста в блокнот, а курсанты с трудом поднимаются по скользкому бетонному откосу. Видок у них, мягко говоря, жалкий, от улыбок не осталось и следа.

– Как настроение? – интересуется мой заместитель.

– Нормальное.

– Желаящие вернуться в свою часть имеются?

– Нет...

– Старший лейтенант Рогов.

– Я, – глядит на меня шатен с веснушками на лице.

– Вам выпала честь первым продолжить шоу при полном параде. Прошу.

Парень принимается натягивать снаряжение. Одевается и наш Маринин, в обязанности которого входит подстраховка новичков.

Вода тем временем заполняет яму до краев...

Вообще-то, мы крайне редко используем в своей работе акваланги. Разве что когда предстоит поработать на детской глубине и нет смысла расходовать дефицитные дыхательные смеси с дорогими регенеративными патронами. Основным же рабочим снаряжением является ребризер (rebreath – повторный вдох) замкнутого цикла с электронным управлением. Это очень дорогой и самый незаметный дыхательный аппарат, в котором углекислый газ поглощается химическим составом регенеративного патрона. В процессе дыхания смесь обогащается так называемой «донной смесью» (кислородом с дилуэнтom, содержащим воздух или нитрокс, чаще смесь на основе гелия) и снова подается на вдох. Ценность аппаратов подобного класса обуславливается наличием микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины. За счет автоматической дозировки происходит эффективная и быстрая декомпрессия, иной раз не требующая выполнения «площадок». В нижней части ребризера размещен двухлитровый резервный баллон, наполненный обычным сжатым воздухом. Он предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров, и поэтому шуточно именуется «парашютом дайвера».

Глава вторая

Аргентина, Байя-Бланка

Две недели назад

Июль – пик зимы в Южном полушарии. В это время года в Центральной Аргентине не слышно ни пения птиц, ни стрекота назойливых цикад, не видно мириад ночных бабочек и прочих теплолюбивых насекомых. Днем проходящее по небосклону солнце прогревает воздух до десяти-двенадцати градусов, по ночам лужи и водоемы покрываются корочкой серебристого льда. А прохладными вечерами горожане предпочитают собираться в ресторанчиках, клубах и кинотеатрах.

В небольшом кафе за дальним столиком сидели трое мужчин. В отличие от шумных соседей, потребляющих крепкие напитки, они потягивали светлое пиво и переговаривались настолько тихо, что понять их мог разве что знаток артикуляции.

Двое были примерно одного возраста – лет тридцати. Первый – крепкий шатен с мускулистым телом и большими кулаками. Второй – худощавый мужчина в тонких очках на вытянутом лице. Третьему – солидному полнеющему брюнету – можно было дать лет сорок пять или пятьдесят.

Они мало походили на местных жителей. Первые двое, скорее всего, приехали из Центральной Европы. Во внеш-

ности последнего присутствовали черты израильтянина: тяжеловатый и оттянутый назад затылок, жесткие волосы, слабовыраженная мочка уха и так называемая «шея гусака». Правда, идентифицировать эти национальные тонкости мог только опытный арийский физиономист, а простой обыватель легко принял бы мужчину за испанца, болгарина или турка.

– Кого-нибудь присмотрел, Давид? – поинтересовался, потягивая пиво, шатен.

– Да, Томас, – хитро улыбнулся израильтянин. – Через два столика справа от тебя отдыхает компания молодых людей.

Томас осторожно посмотрел в указанном направлении, а мужчина в очках, барабаня пальцами по пачке сигарет, кивнул:

– Я давно их заметил. Веселые ребята.

– Согласен, Огюстен. Но не все.

– Разве?

– А ты понаблюдай за щуплым юнцом, постоянно болтающим по мобильному телефону.

Приложившись к горлышку пивной бутылки, «очкарик» осторожно покосился в сторону, оглядел указанную личность и недоверчиво спросил:

– Почему ты решил, что он подойдет?

– Он только что обчистил сумочку шикарной блондинки, – довольно сообщил Давид.

Этим вечером в кафе присутствовала только одна блон-

динка – молодая девица с отменной фигурой и огромным бюстом. На ее стройные ножки и прочие достоинства заглядывались все посетители кафе мужского пола. Расположилась она еще дальше от компании парней. Слева от нее сучал престарелый идалго, не выпуская из рта сигару, по другую сторону без умолку тараторила невзрачная подружка.

Томас и Огюстен оценили расстановку сил.

– А что, – усмехнулся «очкарик», – недурно работает.

– Вот и я о том же.

Юнец и в самом деле был талантливым профессионалом.

Во-первых, он безупречно выбрал жертву. Белокурая дурочка думала только о том, какое впечатление на окружающих производит ее внешность. Она была центром вселенной, а всех остальных Всевышний создал для созерцания ее красоты.

Во-вторых, в действиях паренька присутствовал тонкий психологический расчет. Дабы поговорить по телефону, человек имитирует уединение: отворачивается от своей компании, бездумно глазеет по сторонам и столь же бездумно ковыряет указательным пальцем край стола или спинку соседнего стула. Все это выглядит естественно и подозрений не вызывает.

И, наконец, в-третьих, юноша виртуозно исполнил сам обряд кражи. В решающий момент кто-то из дружков шумно споткнулся на пути к барной стойке и отвлек своей нелов-

костью отдыхающий народ. Жертва и ее друзья отвернулись ровно на секунду, и этой крохотной форы оказалось достаточно – бумажник перекочевал в карман воришки.

– А теперь, согласно сценарию, он обязан быстро исчезнуть, – прокомментировал ситуацию Давид.

– Мы не должны его потерять! – заволновался Томас.

– Не потеряем, – бросил на стол купюру израильтянин. – Я запомнил мотоцикл, на котором он подъехал. Пошли...

Пару минут парень безуспешно пытался завести простенькое транспортное средство.

– Черт! – выругался он и с беспокойством посмотрел в ближайшее окно.

Нет, блондинка не хватилась пропажи и продолжала беспечно болтать с приятелями. Однако скандал мог разразиться в любую секунду, и следовало поскорее убираться.

Юнец вновь нажал на рычаг стартера и вдруг услышал за спиной:

– Ты не устал?

Мальчишка испуганно обернулся.

В пяти шагах от него стоял пожилой мужчина с ироничной улыбкой на лице.

– Тебе чего?! – огрызнулся карманник.

Давид вынул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой...

– Хочу предложить тебе выгодную работенку.

– Я не нуждаюсь в работе! Иди своей дорогой.

– На украденные у блондинки песо ты протянешь дня три-

четыре – не дольше, – не сдавался Давид. – А потом пойдешь искать новую жертву, верно?

Поняв, что его трюк раскрыт, воришка выхватил нож.

– А ну убирайся, или я сейчас...

– Что ты сейчас? – вышел из темноты Томас и демонстративно отодвинул полу куртки, показывая рукоятку торчащего за поясом пистолета.

Одновременно с другой стороны появился Огюстен. Без лишних разговоров он вытащил пистолет и направил на юношу.

Тот растерянно попятился к мотоциклу.

– Чем чаще ты лезешь в чужой карман, тем больше шансов оказаться за решеткой, – подошел к нему вплотную Давид и протянул кабель от мотоциклетного двигателя. – Можешь ехать. Но если передумаешь и захочешь этой ночью заработать пятьдесят тысяч долларов – мы будем ждать на углу Алем и Кордовы.

– Сколько? – ошеломленно пробормотал мальчишка.

– Пятьдесят тысяч долларов, – отчетливо повторил Давид.

– А в чем заключается работа?

– По большому счету, мы справились бы сами. Однако нас впечатлили твои способности – втроем мы возьмем больше. Ну, так как?

– Я подумаю.

– Подумай. Кстати, как твое имя?

– Серхио. А как мне называть тебя?

– Я представлюсь позже. Если согласишься помочь...

Середина холодной ночи. Абсолютная тишина. Кажется, все вокруг крепко спит: деревья, птицы, животные, люди... Внезапно тишину нарушили торопливые шаги – видно, кто-то засиделся в гостях, а теперь спешит домой вдоль каменного забора.

Территория обширного участка, отгороженного от внешнего мира высоким забором, утопала во мраке. Один фонарь горел с уличной стороны у чугунных ворот. Второй – выполненный в старинном стиле – освещал крыльцо двухэтажного особняка и дремлющих на последней ступени сторожевых собак. Третий источник света, представлявший собой обыкновенную лампу под «блющем», едва тлел на заднем дворе, где в холодной воде искусственного пруда сонно плавала декоративная форель. В целом ни особняк, ни участок не представлялись уделом роскоши и богатства. В подобной скромности, граничащей с запустением, существовало абсолютное большинство жителей небольшого городка.

Услышав шаги, крепкие псы – натасканные кубинские доги – встрепелулись. Подняв уши, они закрутили головами и недовольно заворчали.

Утром улочка за забором превращалась в оживленное местечко – прохожие постоянно мельтешили у ажурных ворот. Ночью же появление здесь людей было редкостью. Однако доги свои обязанности знали и понапрасну тревожить хозяйина не собирались. Есть территория с четко обозначенной

границей, чего зря драть глотку?..

Поворчав, собаки успокоились. Да и шаги за забором стихли.

Но возвратиться в сон не получилось. В слабом свете внешнего фонаря в небо взмыл увесистый сверток. Описав дугу над забором, он шлепнулся на газон – аккурат между двух цветочных клумб.

Взвизгнув, псы кинулись к «нарушителю» границы и с остервенением принялись терзать легкую добычу, вовсе не собиравшуюся удирать или сопротивляться.

В свертке из промасленной бумаги оказался большой кусок хорошо проваренной говядины...

Давид припарковал машину неподалеку от пересечения Алем-авеню и Кордовы за полчаса до назначенного времени. Местечко для встречи с карманником Серхио было выбрано не случайно. Рядом располагался Национальный университет, большой парк, интернет-кафе, несколько увеселительных заведений, где молодежь тусовалась до глубокой ночи. Вдоль обеих улиц стояли вереницы припаркованных мотоциклов и автомобилей. Еще один ни у кого не вызвал бы вопросов.

Серхио появился за три минуты до контрольного времени. Его мотоцикл протарахтел по Алем и остановился в двадцати шагах от перекрестка.

Огюстен закинул в рот подушечку жевательной резинки, а Томас многозначительно посмотрел на Давида.

– Он не мог не прийти, – усмехнулся тот и предложил: – Давайте немного понаблюдаем. На всякий случай...

Парень вел себя естественно: сначала поглядел на часы, затем по сторонам; не обнаружив поблизости новых знакомых, достал сигарету, закурил...

– По-моему, он созрел, – сказал Томас.

– Пошли, – кивнул израильтянин.

– Что там, Серхио? – нетерпеливо спросил Томас.

– Собаки заснули, – прошептал мальчишка. – Подождем для верности минуту и начнем.

Он сидел на корточках и заглядывал внутрь территории сквозь ворота, чугунный рисунок которых изрядно оплетала растительность. Томас торчал сбоку от ворот, а на его плечах стоял Огюстен, проверяющий наличие (а точнее, отсутствие) сигнализации поверх каменного забора.

– А с чего вы решили, что хозяин особняка богат? – оглянулся на новых подельников Серхио.

– У нас есть информация, а твое дело – забраться внутрь.

– Чисто, – прыгнул на тротуар Огюстен.

– Уверен?

– Никаких следов электроники.

Томас обернулся и махнул рукой. Во мраке противоположной обочины щелкнул замок автомобильной дверки, и дорогу быстрым шагом пересек Давид.

– Сработало? – заглянул он сквозь чугунный переплет.

– Сожрали мясо и отрубились, – радостно потер руки Сер-

хио. – Если и проснутся, то не раньше чем через пару часов.
– Пора браться за дело, – поторопил Давид. – В случае опасности я предупрежу по рации и буду ждать на соседней улице. Удачи.

Он вернулся к машине и уселся за руль, из салона отлично просматривались проезжая часть, тротуары и ворота с калиткой.

Томас проверил портативную рацию и подставил напарникам свою спину. Те по очереди шустро забрались на забор, и Огюстен подал ему руку. Вскоре троица осторожно пробиралась к особняку...

– Держитесь поближе к стене, чтоб нас не заметили со второго этажа, – прошипел Томас и попробовал толкнуть окно, слабо отсвечивавшее лунным светом.

В команде Давида он выполнял самую грубую работу. Если требовалось сломать замок, выбить дверь, свернуть челюсть, а то и вовсе задушить или перерезать глотку, никто не спрашивал, кто это должен сделать. За подобные делишки сразу брался Томас – ирландец по национальности и наемный киллер по убеждению. Когда-то ему довелось послужить в 21-м полку SAS¹, там недурно подготовили физически, обучили единоборствам, стрельбе из многих видов оружия, а заодно выбили из башки все комплексы и предрасудки.

¹ SAS (англ. Special Air Service) – подразделение спецназа вооруженных сил Великобритании.

– Думаешь, хозяин не спит? – тихо спросил Огюстен.

– Понятия не имею. Но отдал бы многое за то, чтобы он дрых, приняв снотворного или пару бокалов виски...

Шестая по счету рама оказалась запертой. За углом – со стороны внутреннего дворика – оставалось еще несколько окон.

– И это закрыто, – негромко доложил Серхио. – Идем к следующему.

– Нет, – остановил их Огюстен. – Следующее окно мы трогать не будем.

– Почему? – уставились на него подельники.

– Разве вы не запомнили план? Там находится комната старика-садовника.

– А дальше?

– Кухня. За кухней – ванная комната для прислуги. Пошли...

Огюстен ведал в команде техническими вопросами. Родом он был из Бельгии, имел университетское образование и прошел специальную подготовку в технической школе при авиационной базе ВВС США в немецком Рамштайне. К своим тридцати годам он безупречно владел несколькими языками программирования, знал все о связи, разбирался в сигнализации и мог дистанционно устроить фейерверк любой мощности.

Окна кухни тоже оказались заперты, и троичу грабителей понемногу охватывала нервозность. У них имелось кое-что

про запас для штурма здания через второй этаж и даже через дымоход камина, но данные варианты оптимизма не вселили. Огромный особняк возводился в середине прошлого века, имел высокие этажи, гладкие стены и скользкую черепичную крышу. Его и днем-то покорять затруднительно, а сейчас – в непроглядном мраке – и подавно можно сломать шею.

Последнее окно.

Оглядевшись по сторонам, Томас пихнул парня в бок:

– Проверь.

Серхио протянул руку и... половинка рамы с легким скрипом подалась внутрь.

– Открыто!

– Ну, слава богу, – перекрестился мужчина и подставил крепкую спину: – Давай, Огюстен, твоя очередь...

Бельгиец взялся за обрез рамы, оперся коленкой об импровизированную ступеньку, включил небольшой фонарь и внимательно осмотрел ванную комнату, подоконник и подходы к окну.

– Чисто, – доложил он, забираясь внутрь темного проема.

Огромный холл на первом этаже встретил холодом, тишиной и таинственным сумраком. Лишь один тонкий луч, пробивавшийся внутрь здания через витраж над дверью, слабо освещал паркет и бок высокого камина.

– Действуем строго по плану, – напомнил Томас. – Серхио ищет наверху, Огюстен – в подвале, я остаюсь здесь и смотрю

за обстановкой.

– Понял, – не очень-то уверенно ответил Серхио.

– Волнуешься?

– Немного.

– Главное, смотри под ноги, не шуми и не подходи к спальне хозяина. Он стар и плохо слышит, но... лучше не пренебрегать осторожностью. Запомнил?

– Угу, – буркнул юнец.

– Расходимся. Жду вас через двадцать пять минут.

Две тени выскользнули из коридора, ведущего в подсобные помещения, и направились к лестнице. Одна метнулась вверх, другая исчезла в подвале...

Ровно через двадцать пять минут троица повстречалась в условленном месте.

– Я нашел! – воодушевленно зашептал Серхио. – Я нашел деньги в рабочем кабинете!

– Тише, – осадил его Томас. – Много взял?

– Все, что было в тумбе письменного стола! Там около двухсот кусков!

– Отлично!

– А внизу? – заинтересованно спросил юноша. – Огюстен, ты что-нибудь нашел внизу?

– Увы. Я надеялся обнаружить в подвале сейф, но там ничего, кроме громадного стеллажа с бутылками, – вздохнул мужчина в очках.

– А может быть, он вмонтирован в кирпичную кладку?

Знаешь, некоторые так маскируют стальные сейфы, что с первого взгляда никогда не заметишь...

– Там пусто! – повторил Огюстен и заспешил: – Пора отсюда сматываться. Пошли...

Повернувшись, они успели сделать не больше трех шагов в сторону ванной комнаты для прислуги, как луч фонаря, зажатого в кулаке Серхио, внезапно выхватил из темноты фигуру человека, вооруженного охотничьим ружьем.

– О, черт!.. – отшатнувшись, испуганно пробормотал парень.

Узрев опасность, Томас схватил Огюстена и вместе с ним прижался к стене. Это и спасло жизнь обоим.

Грохнул выстрел. Пространство озарилось яркой вспышкой. По стенам застучала картечь, а юный карманник вскрикнул и отлетел к противоположной стене.

Вспышка на мгновение осветила старого садовника, стоявшего у раскрытой двери в спальню. Вероятно, он услышал посторонние звуки, зарядил ружье и встал на пути грабителей.

Схватившись за живот, Серхио кричал и корчился на полу. А Томас с Огюстеном незаметно прошмыгнули мимо садовника, юркнули в ванную комнату и бросились к раскрытому окну...

Давид завел двигатель, как только увидел спрыгнувших с забора подельников.

– Я слышал выстрел, – сказал он, трогая автомобиль с ме-

ста.

Огюстен сидел сзади и молча переодевался. Томас, как всегда, занял место возле водителя и, снимая с себя темный спортивный костюм, поморщился:

– Садовник.

Авто проехало две сотни метров и свернуло на хорошо освещенную трассу. Израильтянин был опытным водителем – выдерживая максимально разрешенную скорость, правил не нарушал. Зачем понапрасну привлекать внимание?

– Как прошло дело? – поинтересовался он, остановившись на красном сигнале светофора.

Устало улыбнувшись, Томас бросил через окно в мусорный ящик ненужные вещи и сказал:

– Лучше не придумаешь. В карманах убитого Серхио найдут украденные деньги, и завтра же напишут в газетах о неудачном ограблении.

– А еще ушлые журналисты напишут об отважном садовнике, – усмехнулся Огюстен.

Давид добавил мрачный мазок в нарисованную картину:

– И об удачливых напарниках убитого налетчика, сумевших унести ноги. Не так ли?

– Плевать. Зато ни в одной статье не будет вот этого, – бельгиец показал плоский фотоаппарат.

Загорелся зеленый свет, и машина продолжила движение по улице «12 Октября». Давид подпалил сигарету.

– Все успел снять?

– Абсолютно. Каждый документ и каждую фотографию.

– Что ж, поздравляю. Сейчас отправим по Интернету снимки нашим кураторам из Комитета и отметим удачную вылазку. А заодно помолимся о душе юного испанца – он отлично исполнил отведенную ему роль.

Томас оглянулся на товарища и засмеялся:

– От хорошего виски не откажемся. А вот молиться, Давид, тебе придется одному...

Вскоре машина въехала на стоянку возле скромного отеля. Мужчины покинули салон и не спеша направились к парадному входу. Несколько часов назад они оплатили номер на третьем этаже и оставили в нем свои вещи.

В холле не было ни души, если не считать дежурного администратора на ресепшене. Услышав звон дверного колокольчика, он оторвал взгляд от экрана телевизионной панели и, узнав постояльцев, положил на стойку ключ. Ничего странного в позднем возвращении гостей не было – буквально в квартале от отеля находился уютный ресторанчик, работавший до четырех утра...

Глава третья

Российская Федерация, подмосковная база Особого отряда боевых пловцов «Фрегат-22»

Наше время

С последним и самым сложным этапом теста под названием «Труба» справились все шестеро курсантов. Не с первого раза, не с должной скоростью, но справились.

Пройдясь вдоль строя измученных парней, я говорю на прощание:

– На сегодня достаточно. В душ, обедать и отдыхать.

– В город съездить можно? – раздается чей-то голос.

Вот она – молодость! Еле держится на ногах от усталости, дышит как паровой котел, отплеывается, а мысли уже там, где девочки, музыка и приключения.

Устюжанин усмехается, мне же приходится включить строгость:

– Запрещаю. На время испытательных тестов вы не должны покидать территорию отряда. Так что отсыпайтесь, набирайтесь сил перед вторым туром. И не обольщайтесь. Для тех, кто станет боевым пловцом «Фрегата», в первый год службы поблажек не будет – пахать придется по восемнадцать часов в сутки.

– А что нас ждет завтра?

– Начнем с «тридцаточки» – она вам уже знакома, а про-

должим в бассейне. После обеда посидим в аудитории и решим, кто же из вас лишний...

Это было вчера.

Сегодняшний день очень похож на прошедший. Правда, ранним утром случилось происшествие, оставившее на сердце небольшой кровоточащий шрам. Выехав на машине со двора, поворачиваю на оживленную трассу, проходящую мимо станции метро, встраиваюсь в поток и краем глаза замечаю сидящего на парапете Павла Петровича – ветерана Великой Отечественной войны.

Дядя Паша, мой сосед по лестничной клетке, настоящий герой, кавалер двух орденов Славы и просто замечательный мужик. Ему под девяносто, жена немного моложе, и оба часто болеют. Решаю тормознуть, я его давненько не встречал – может, что-то случилось? Старик сидит у входа в метро и отрешенно смотрит в асфальт. На коленях крышка от картонной коробки, в ней аккуратно разложены ордена и медали. Это, бесспорно, его награды, кровью заслуженные на войне.

– Здорово, дядя Паш! – присаживаюсь я рядом.

Он смотрит на меня выцветшими глазами и сначала не узнает, потом улыбается одними уголками губ и кивает:

– А, это ты, Женя. Здравствуй...

– Ты чего здесь?

– Да вот... – выдыхает он, – решил продать. На кой они мне...

– Как здоровье?

– Мое нормально.

– Веру Степановну давно не видать. Как она?

– Болеет, – машет он жилистой рукой. – Две недели не встает. И не знаю, встанет ли... – Голос дрожит, вот-вот старик заплачет.

Я забираю с его колен картонную крышку, благодаря выставленному «товару» она довольно тяжела. Складываю награды в целлофановый пакет и кладу в карман пиджака Павла Петровича. Тут же выгребаю из собственного бумажника все деньги до последней купюры и сую в его шершавую ладонь.

– Возьми, дядя Паша. И не продавай свою доблесть людям, которые ее недостойны.

Старик все-таки расплакался. Спрятав деньги, он снова вынул награды, поцеловал их и прошептал мне вслед:

– Спасибо, сынок...

Рубец на сердце появился не от собственного поступка – мне в такие моменты чудится, будто я в состоянии изменить мир к лучшему. Рубец останется от самого факта: чтобы купить дорогостоящие лекарства, ветеран вынужден продавать награды...

Вздыхнув, отгоняю воспоминания – пора заняться прямыми обязанностями.

Спускаемся с Георгием по короткой лесенке на мини-плац, здороваемся, выслушиваем дружный ответ и подходим к новичкам. Их шестеро. Они молоды, энергичны и

по-прежнему искренне верят в чудеса и собственное бессмертие. Ничего-ничего, – полезные качества оставим, вредные вытравим.

Медленно иду вдоль строя, вглядываясь в лицо каждого новобранца. Я уже знаю их поименно. Офицеры: Рогов, Панин, Головкин, Буцкий, Липовой. И мичман Воронцов – единственный из этой команды, кто ходил на глубину с ребризером. Вчера новички примерили эти аппараты и даже воспользовались ими при прохождении макета торпедного аппарата. Сегодня же им предстоит попробовать себя в роли боевого пловца на небольшой глубине закрытого бассейна.

– Готовы?

– Так точно.

– За прошедшую ночь никто не изменил вероисповедание, пол, убеждения и желания служить во «Фрегате»?

– Никто, – упрямо бодают воздух вихрастые головы.

– В таком случае на исходную – наши ребята в качестве контролеров и санитаров уже заскучали. После «тридцатки» жду у входа в бассейн. Форма одежды: плавки...

Изначально построенный для профилактория бассейн сравнительно небольшой. Для наших нужд его основательно удлинили, расширили, а глубину довели до двенадцати метров.

Пребывание в воде будет длительным, поэтому приказываю парням надеть отдельные гидрокостюмы. Исполняя приказание, они выглядят уставшими, но глаза горят жела-

нием справиться с очередным испытанием.

– Разбирайте, – киваю на маски и ласты.

И пока курсанты их примеряют, Георгий инструктирует:

– Сейчас каждый выберет дорожку и приготовится к старту. Цель задания – пройти максимальную дистанцию под водой на одном вдохе. Вопросы?

– Нет, – мотают они головами.

– Вперед...

Шестерка дружно сигает в воду.

Помещение с бассейном хорошо освещено, и мы имеем возможность понаблюдать за техникой молодого пополнения. По меньшей мере, двое из шести неплохо чувствуют себя под водой – оторвавшись от основной группы на первом же «полтиннике», они разворачиваются и плывут в обратном направлении. Впрочем, скорость в данном задании – не главное качество. Посмотрим, насколько правильно они мыслят...

Вообще, профессия боевого пловца уникальна. Взять хотя бы меня или любого офицера из «Фрегата». Мы не имеем ни одной гражданской специальности, но запросто задерживаем дыхание на четыре минуты и знаем все, что касается снаряжения и дыхательных аппаратов – как отечественных, так и зарубежных. Малосведущи в правилах уличного движения, зато с легкостью управляем всевозможными судами и подводными лодками различных классов. Никогда не занимались наукой, но расскажем о морских обитателях боль-

ше ихтиолога с ученой степенью.

Расхаживая вдоль бортика, мы замечаем появившуюся на поверхности голову. Приглядевшись, узнаю в нем одного из лидеров, владеющих хорошей техникой подводного плавания.

– Поторопился ты, братец, израсходовать запас кислорода в крови, – посмеивается Георгий.

Прочистив легкие и отдышавшись, парень с досадой взирает, как товарищи поочередно проплывают мимо. Постепенно его результат становится худшим, и я делаю соответствующую пометку в блокноте...

Спустя пару минут курсанты вновь выстраиваются на краю бассейна. Наибольшую дистанцию под водой прошел старлей, прибывший с Тихого океана, меньшая осталась за Паниным. Жаль, он неплохо смотрелся.

– Подводному спецназовцу нужна не только изрядная физическая подготовка и умение быстро плавать, – гляжу на него в упор, – не только навыки, выдержка и координация. Каждому из нас необходимо иметь на плечах светлую голову, способную рассчитать действия, выбрать подходящую тактику. Вот такая хохлома, товарищ кандидат.

– Я понял свой просчет, – вздыхает Панин. – Не надо было напирать на скорость.

– Выражаясь языком судовых мотористов, ты шел на максимальном режиме, напрочь позабыв о крейсерском.

– Так точно. Виноват...

Вторым тестом в плавательном бассейне значитесь задание посложнее.

– Снять ласты с масками, – команду новобранцам, – и по очереди на пятиметровую вышку.

Первым по лестнице поднимается Рогов.

– Готов?

– Так точно.

Устюжанин бросает в воду три патрона от автомата АДС.

– Твоя задача найти их и поднять на поверхность. Пошел!

Парень прыгает головой вниз и входит в воду не хуже спортсмена-разрядника, почти не поднывая брызг. Ждем результата...

Сложность задания состоит в том, что на двенадцатиметровую глубину проникает лишь двадцать процентов света, да и то при идеальной чистоте воды, так что курсантам придется расстараться.

На поиски у Рогова уходит две с половиной минуты. Всплыв на поверхность, он показывает два патрона:

– Темно. Пришлось искать на ощупь.

– А кто обещал, что это будет просто? – иронизирует Георгий и снова швыряет в воду боеприпасы.

– Ты, – киваю я следующему.

По лесенке взбирается Панин, тоже неплохо исполняет прыжок и сравнительно быстро находит все три «артефакта».

За ним терпит полное фиаско третий участник конкурса,

четвертый. Пятый и шестой поднимают по одному патрону.

Намеренно воздерживаясь от оценок (рановато), объявляю десятиминутный перерыв перед заключительным этапом практических тестов.

На последнем этапе проверки бассейном нам помогают опытные сослуживцы: капитаны третьего ранга Михаил Жук и Сергей Савченко. Они первыми надевают акваланги, маски, ласты и садятся на бортик в ожидании команды. Я специально приказал им надеть неопреновые костюмы с яркими оранжевыми вставками, чтобы в предстоящей «битве» команды могли четко отличать, кто есть кто.

– Сейчас мы симитируем подводное единоборство, – поясняю суть испытания курсантам. – Без ножей и огнестрельного оружия. Простая имитация борьбы.

– А в чем прикол-то? – любопытствует Панин, подгоняя длину лямок акваланга.

– Основная задача под стать боевой – лишить противника возможности дышать.

– То есть вырвать загубник или повредить шланг?

– Совершенно верно.

– Противников двое?

– Двое.

– А нас?

– Вас – шестеро.

Кандидаты обескуражены кажущейся легкостью предстоящего испытания.

– Не обольщайтесь, – предупреждает мой заместитель, – это не так просто, как представляется.

– Посмотрим, – ухмыляется Панин и встает у бортика: – Я готов.

Развожу команды «по углам» и на всякий случай предупреждаю:

– Никакой самодеятельности и партизанщины. Как только пловец лишается возможности нормально дышать, он считается выбывшим из единоборства. Ясно?

Парни кивают, и я даю команду на старт. Участники испытания прыгают в бассейн; и поверхность воды тотчас «вскипает» от выдыхаемой смеси. Вот она – разница между использованием незаметного ребризера и обычного акваланга, выдающего пловца «с потрохами».

В закрутившейся под водой круговерти сложно что-либо разобрать. Вначале виден один черно-оранжевый клубок, окутанный мириадами серебристых пузырьков воздуха. Затем клубок делится надвое...

Данная метаморфоза понятна: новички разбились на две группы и атакуют боевых пловцов. Хотя кто кого атакует – большой вопрос.

Через минуту от клубка отделяется и спешит к поверхности первый «погибший».

– Мичман, – узнает его Устюжанин.

Следующими из игры выбывают тихоокеанцы. Четвертым стал северянин, пятым Рогов, а самым упорным оказался Па-

нин.

Последними из воды вылезают мои ребята: Жук и Савченко.

Поглядев на уставших и расстроенных курсантов, бросаю:
– Переодеваться, и в кафе на обед. В пятнадцать ноль-ноль жду в седьмой аудитории учебного корпуса...

На «десерт» для всякого желающего стать боевым пловцом у нас заготовлен тест под названием «Буду резать, буду бить – с кем останешься дружить?» Другими словами, тест на совместимость.

Три часа дня. Входим с Георгием в аудиторию № 7. Кандидаты, приветствуя старших по званию, встают.

– Прошу садиться. Нет, не так. Каждый за отдельный стол.

Парни послушно пересаживаются, а Георгий раздает карандаши и ксерокопии списочного состава группы. На ксерокопиях, кроме шести фамилий, нет ничего. Ни-че-го.

Курсанты в недоумении переглядываются. Знакомая реакция.

Итак, что же представляет собой последнее испытание?

Всякому известно, что на средних и больших глубинах пловцы (и не только боевые) работают в составе групп или как минимум парами. Значит, в группе (или паре) обязана быть психологическая совместимость, умение ладить и договариваться. А это, в свою очередь, обозначает отсутствие в отряде проблемных людей. Вот для выявления таковых мы и собрались в седьмой аудитории учебного корпуса.

– Сейчас вам придется проанализировать последние пятьдесят часов вашей жизни.

– А что именно? – смотрит на меня Панин.

– Вы должны вспомнить все нюансы, относящиеся к личным взаимоотношениям в группе. Каждый поступок, каждое слово, каждый взгляд, вызвавшие положительные или негативные эмоции.

Они явно не понимают, чего от них хотят.

– Ладно. – Решаю объяснить «на пальцах» и беру ближайший листок с фамилиями: – Первый по списку старший лейтенант Рогов. Вспоминаем, как с ним познакомились, как он вел себя с вами, выполнял ли обещания, не подставлял ли. Одним словом, каждый из вас отвечает на один простой вопрос: в какую очередь он готов пойти с ним на боевое задание? В первую, во вторую, в третью... Или в последнюю – в пятую. Вопросы есть?

Молчат. Лица сосредоточены, в головах запускается процесс мышления.

– Думайте. На этот тест вам отпущено пятнадцать минут. Подписывать листы необязательно.

В аудитории повисает тишина. Парни работают. Глядя в окно, покусывая карандаш, прикрыв глаза или раскачиваясь на стуле...

Минут за семь до окончания теста в аудиторию входит наш непосредственный шеф – Сергей Сергеевич Горчаков. Не желая прерывать занятий, он предупредительно подни-

мает ладонь.

Ему около шестидесяти. Он руководит одним из Департаментов ФСБ, имеет звание генерал-лейтенанта, но форму надевает крайне редко. Горчаков щупл, небольшого роста, седые волосы обрамляют лицо с правильными чертами. От частого курения его кожа тонка и почти не имеет цвета. Однако внешность мало соответствует внутреннему содержанию: при некоторых недостатках характера он остается великолепным профессионалом и очень достойным человеком. Иногда может наорать, вспылить и даже объявить взыскание – в девяти из десяти случаев это произойдет заслуженно, а в десятом, осознав свою ошибку, он не побрезгует извиниться и пожать руку.

Шеф чем-то расстроен и выглядит уставшим. Предлагаю ему присесть и поучаствовать в тестировании кандидатов, сам же гадаю о причинах незапланированного визита...

– Не волнуйтесь, дурных новостей я не привез, – негромко успокаивает генерал. – Ехал мимо с совещания, вот и решил заглянуть. Холодной минералочкой старика угостите?

Кивнув, Георгий исчезает в коридоре.

А Горчаков внезапно интересуется:

– Сколько суток отпуска я тебе задолжал?

Господи, неужели я слышу этот вопрос не во сне, а наяву?! После завершения необычной миссии в районе Земли Франца-Иосифа я сам подкатывал к Сергею Сергеевичу с просьбой отпустить на пару недель. Он ответил отказом, а теперь

сам завел речь об отдыхе.

– Не меньше трехсот шестидесяти пяти, – отвечаю, не моргнув глазом. И для убедительности добавляю: – Если не считать отгулов.

Тонкие губы изгибаются в усмешке.

– На год тебя никто не отпустит, а недельки три отдохнешь – обещаю. Север-то, небось, опостылел?

– Не мешало бы погреть суставы и поплавать без риска отморозить себе чресла.

– Вот и поезжай в теплые страны. Во Францию или в Португалию... В Испании был?

– Проще сказать, где я не был. Гулял и по улицам Мадрида и даже лицезрел корриду.

– Корриду?! Ну и как?

– Знаете, поймал себя на мысли, что искренне болею за быков.

Шеф беззвучно смеется. Я же про себя думаю: «А почему бы действительно не прошвырнуться по Европе? Почему бы не вложить пяток штук в итальянскую или французскую проституцию? Я вполне заслужил отдых честным и самоотверженным трудом».

– Напиши рапорт и завтра же отправляйся на все четыре стороны, – говорит генерал.

Что ж, мешок уважения вам, Сергей Сергеевич!

Нет, он определенно чем-то расстроен, и я намереваюсь аккуратно расспросить о причинах, но не успеваю – в ауди-

торию возвращается Устюжанин. Он ставит перед Горчаковым запотевшую бутылку минеральной воды и пластиковый стаканчик. Старик с удовольствием пьет, приговаривая:

– Ничто так не освежает мой мозг, как холодная минеральная вода...

– Время, товарищи курсанты, – объявляю об окончании теста.

На преподавательский стол ложатся листы со списочным составом. Мы с Георгием складываем цифры, набранные каждым из кандидатов.

– И что же вы там насчитали? – спрашивает генерал, смакуя холодную воду.

Обвожу взглядом шестерку парней. Они напряжены, взволнованны и с опаской ждут вердикта.

– Наихудшим в заключительном тесте становится старший лейтенант Панин. Он набрал наибольшее количество баллов, то есть остальные товарищи отправились бы с ним на боевое задание в последнюю очередь.

– Панин, не забудьте зайти в штаб и поставить в командировочном удостоверении отметку об убытии, – дополняет Устюжанин.

– Но я был первым на «тридцатке», – удивленно разводит руками курсант.

– Вас предупреждали, что последний тест является решающим. По его результатам отсеивается любой кандидат, даже если на других тестах он был лучшим.

– Почему? – не сдастся старлей.

– Потому что умение уживаться в коллективе – одна из важнейших составляющих нашей тяжелой службы. Вы свободны.

– Есть, – вздыхает «слабое звено» и, опустив голову, плетется к двери.

Парень буквально раздавлен итогом испытаний. Ничего не попишешь – законы в нашем отряде суровы, но справедливы и, можно сказать, написаны кровью погибших сослуживцев.

Глава четвертая

Аргентина, Байя-Бланка

Одиннадцать дней назад

Дважды просигналив, темный автомобиль остановился у чугунных ворот. Сидевшему за рулем крепышу с бычьей шей пришлось заглушить мотор в ожидании, пока садовник проковыляет по аллее, отопрет замок и распахнет створки.

– Какого черта Рауфф его держит?! Он же еле волочит ноги! – проворчал он, включая скорость.

– Старость сентиментальна, – проскрипел с заднего сиденья пассажир – полный и абсолютно лысый мужчина преклонного возраста. – К тому же привычки имеют свойство изменять характер. У тебя, Вальтер, еще будет время это понять.

– Надеюсь, господин Руст...

Автомобиль въехал на территорию обширного участка, отгороженного от внешнего мира высоким забором. Ветхий двухэтажный особняк стоял в глубине – облупленные стены едва просматривались за густыми кронами палисандров.

Прошуршав по гравию, машина остановилась у каменных ступеней крыльца. Здоровяк Вальтер (на вид ему было лет сорок) выбрался из салона и помог выйти пассажиру – тучному старику с массивной тростью.

Оглядевшись, гости направились к парадному входу.

– Господа, – подоспел запыхавшийся садовник, – хозяин ждет вас у водоема.

Вальтер взял старика под руку и повел вдоль особняка к заднему двору...

Особняк, да и сам участок выглядели заброшенно и уныло – видимо, бывший в годах садовник мало что успевал. Чисто выметенная аллея от ворот до крыльца, парочка подстриженных газонов и засаженная цветами клумба перед домом – вот и все, что радовало глаз в усадьбе на северо-восточной окраине аргентинского городка Байя-Бланка.

Хозяин сидел на деревянной лавочке у круглого водоема. О чем-то задумавшись, он разминал в ладони вчерашний кукурузный хлеб и бросал в воду. Вода у края водоема «вскипала» от пиршества декоративной форели...

Подойдя к лавке, крепыш Вальтер тихо окликнул:

– Господин Рауфф! Бригаденфюрер!

Хозяин не шелохнулся. Тогда за дело взялся толстяк Руст: подняв трость, он постучал по деревянной спинке и громко позвал:

– Очнитесь, Кристиан!

Тот поднял голову и пару секунд смотрел на визитеров отсутствующим взглядом...

Сейчас он мало напоминал подтянутого и энергичного оберфюрера, изобретавшего по приказу Генриха Гиммлера механизмы смелых и головоломных операций. Редкие седые волосы вокруг большой проплешины, дряблая кожа, изряд-

но «приправленная» пигментными пятнами, трясущиеся руки... Прямой нос с едва заметной горбинкой да волевой прямоугольный подбородок – вот и все, что осталось от молодого Кристиана Рауффа.

– А, это вы, – вернулся он к действительности. – Который час?

– Одиннадцать. Мы же договаривались на одиннадцать, разве вы забыли?

– Прошу в дом, там нас никто не услышит.

Трое мужчин обошли боковой дорожкой особняк, медленно поднялись по каменным ступеням крыльца и скрылись за высокими парадными дверьми...

В отличие от запущенного «экстерьера», внутреннее убранство особняка выглядело благообразно. В отделке огромного холла и ведущей наверх широкой лестницы, в паркетном полу были использованы редкие сорта древесины, все блестело идеальной чистотой, по стенам висели дорогие картины и витиеватые серебряные канделябры. Из кухни доносились привлекательные ароматы «паррильяда» – прожаренного на решетке мяса, фасолевого салата под соусом «чимичурри» и печенья «альфахорес».

– Вы верны себе, бригаденфюрер, – заметил Вальтер. – Снаружи скромность, граничащая с нищетой, а внутри немецкий порядок и роскошь.

– Я прожил почти девяносто пять лет и давно понял простую истину: чем меньше привлекаешь внимания, тем мень-

ше по твою душу сваливается неприятностей, – равнодушно ответил тот. – Располагайтесь...

Гости устроились в мягких креслах, хозяин подхватил бутылку красного вина и наполнил бокалы. Скоро из кухни появилась пожилая женщина в фартуке и подала к столу закуску.

– Она глухонемая, – напомнил Рауфф. – Можете начинать, Людвиг.

Руст поскреб лысину, достал из портфеля газету и, развернув листы, нашел нужный материал:

– Ознакомьтесь.

– Что тут? – взял газету хозяин и потянулся за очками.

– Статья, отмеченная карандашом.

Рауфф углубился в чтение...

Через пару минут он бросил газету на стол, поднял свой бокал и сделал маленький глоток.

– Меня мало занимает большая политика, и к тому же побаливают глаза. Расскажите о сути в двух словах.

– В двух словах это сделать затруднительно, – скривился толстяк. Несмотря на генеральское звание хозяина дома, он держался уверенно, по-видимому, занимая более высокое положение. – Хорошо, я попытаюсь. Итак, в этом году в Санкт-Морице состоялось заседание Бильдербергского клуба. Само по себе заседание интереса для нас не представляло. Заурядное еврейско-масонское сборище с извечной болтовней о сохранении элитаризма, о поиске выхода из гло-

бального кризиса, о ценах на энергоресурсы, о проблемах с экологией...

– Так что же случилось? – нахмурился Рауфф.

– Дело в том, что параллельно с общими заседаниями клуба происходили и тайные совещания высшего руководства – так называемого «Комитета».

– Это уже интереснее.

– По данным нашей разведки, на тайных совещаниях «Комитета» решались несколько важных вопросов, – продолжил Людвиг. – Первый: срок нанесения воздушных ударов по ядерным объектам Ирана. Второй: финансирование масштабной военной операции...

Кристиан внимательно смотрел на пухлые губы собеседника – слух иногда подводил и, наблюдая за артикуляционными жестами, ему было проще понимать, о чем идет речь.

– ...Да, финансирование, – повторил тот. – Этот, казалось бы, малозначимый для нас вопрос внезапно стал краеугольным и архиважным.

– А какова причина беспокойства? Что нам за дело до Ирана, его ядерных объектов и до готовящейся против него войны?

– Причина заключается в том, что для достижения своих целей масоны из «Комитета» намерены разжиться нашим золотишком.

– Нашим?! Им мало награбленного по всему миру?!

– Да-да, Кристиан, вы не ослышались. Масоны хотят отыс-

кать и присвоить золото, хранящееся в одном из наших тайников.

– Позвольте узнать, Людвиг, каким именно золотом они заинтересовались?

– Золотом, добытым нашими людьми в Северной Африке, – отчеканил толстяк.

– Золотом Роммеля?! – рявкнул бригаденфюрер.

– Именно! Тем золотом, которое принадлежит нам и с помощью которого мы намерены начать возрождение рейха!

Посидев несколько минут неподвижно, словно что-то припоминая, Рауфф разлил по бокалам остатки вина, покачал головой и смачно выругался.

Людвиг удивленно пробормотал:

– В чем дело, Кристиан? Вы всегда поражали меня своей сдержанностью, а сейчас...

– Дело в том, что три дня назад ко мне в дом влезли грабители.

– Грабители?! – одновременно выдохнули гости.

– Здесь побывали как минимум три человека, – повторил хозяин. – Одного пристрелил мой садовник, а двое других ускользнули.

Проглотив вставший в горле ком, Людвиг Руст просипел:

– Вы уверены, что они были обычными воришками?

– До этой минуты был уверен. Личность убитого полиция установила – это местный карманник Серхио, и я наивно предполагал, что он влез в мой дом со своими поделельника-

ми. Теперь, узнав о замыслах «Комитета», я начинаю в этом сомневаться.

– Что они искали?

– По официальной версии, целью грабежа были деньги и драгоценности. Полиция изъяла из карманов убитого несколько десятков тысяч наличных, которые он выгреб из ящиков моего стола. А где успели побывать его сбежавшие дружки – неизвестно.

– Надеюсь, картотека спрятана надежно? – подался вперед толстяк.

– Документы спрятаны очень хорошо, но, во-первых, вы должны помнить, что по этому поводу говорил наш общий знакомый Генрих Мюллер.

– Мюллер? Он был неглупым человеком, – пожал плечами Руст, – и в каждую фразу вкладывал глубокий смысл.

– Вот именно. А по этому поводу он говорил следующее: «Что знают двое, то знает свинья»...

– Это верно. А что «во-вторых»?

– Во-вторых, ограбление с убийством наделали немало шуму в нашем маленьком сонном городке, и вместе с полицией сюда понаехали из Буэнос-Айреса проклятые журналисты. Я всячески скрывался от камер, но эти пройдохи сверкали вспышками камер на каждом шагу. Не удивлюсь, если моя физиономия разошлась стотысячным тиражом какой-нибудь столичной газетенки...

Известие сильно расстроило гостей. Здоровяк Вальтер по-

бледнел, а его старший товарищ тяжело дышал, промокал со лба пот и скрипел зубами.

– Расскажите подробнее о происшествии, – попросил он с явным недовольством в голосе.

Рауфф выложил все, что услышал от садовника и комиссара полицейского управления.

– И все же не стоит отчаиваться, – закончил он свой рассказ. – Перед приездом полиции мне удалось тщательно осмотреть особняк, и следов возле тайника я не обнаружил. К тому же, если люди из «Комитета» заполучили копии документов, это ровным счетом ничего не значит.

– Но почему?! – воскликнул Руст.

– Потому что имеется только одна ниточка, ведущая к золоту Роммеля, понимаете? – прищурился Рауфф и повторил по слогам: – Од-на.

– И она под вашим контролем? – с сомнением спросил Вальтер.

– Стопроцентную гарантию, как известно, дает лишь Господь Бог.

– И все же?

– Операцию по спасению драгоценностей, добытых фельдмаршалом на севере Африки, я разрабатывал лично, и единственный конец ниточки покоится здесь, – крючковатый палец Кристиана указал в паркетный пол. – Однако, за получив его, масоны не сумеют сделать и двух шагов в нужном направлении.

Гости ждали хозяина, спустившегося в обширный подвал под особняком.

– Да, прошедшие десятилетия изменили многое, – посмеивался толстяк, выпуская вверх клубы табачного дыма. – Кто сейчас вспомнит о том, что дизайн эсэсовской формы разработал Хьюго Фердинанд Босс?

– А также о том, что Хьюго был членом НСДАП, – поддакнул крепыш.

– Вот-вот. А кому сейчас есть дело до того, что знаменитая «IBM» поставляла перфокарты для упорядочения процесса истребления людей по расам и классам? Миром правят золото и драгоценные камни!

Довольные гости громко рассмеялись.

Оба они были немцы и, как выражались во времена Второй мировой войны, чистокровные арийцы.

Людвиг Руст в начале сороковых сделал стремительную карьеру и в неполные тридцать в чине генерал-лейтенанта занимал должность заместителя самого Альфреда Йодля – начальника Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта.

Здоровяк Вальтер был раза в два моложе и имел скромное звание капитана. В городке Эккертсфёрд он возглавлял разведывательное подразделение, входившее в структуру «SEK M» – сил особого назначения ВМС. Несколько лет назад его уволили из бундесвера за ультраправые взгляды. С тех пор он полностью посвятил себя организации и объедине-

нию неонацистского движения, искорки которого вспыхивали то в одной части света, то в другой.

Кристиан Рауфф, как и Людвиг Руст, тоже успел поносить генеральские погоны. По окончании операции «Золото Ромеля» Генрих Гиммлер лично вручил ему петлицы бригаденфюрера и генерал-майора войск СС, а также Рыцарский крест Железного креста с дубовыми листьями.

– А вот и наш Кристиан! – радостно объявил толстяк.

– Я достал вино тридцатилетней выдержки, – послышалось из подземелья.

По лестнице медленно, держась правой рукой за перила, поднимался хозяин особняка. В левой руке он нес запылившуюся бутылку, под мышкой торчала папка из серого картона с тиснением в виде германского орла. Отдышавшись на последней ступеньке, он подошел к соратникам и передал «трофеи».

– А у этого выдержка будет побольше, – засмеялся Людвиг, кивая на серую папку. – Не правда ли, господа?

Молодой Вальтер благоговейно провел пальцами по тисненому картону и прошептал:

– Создано в апреле сорок третьего, подписано самим рейхсфюрером Гиммлером. Уже сейчас эти раритеты стоят многие миллионы.

– Богатства, путь к которым описан в этих документах, стоят в тысячи раз больше, – усмехнулся Рауфф.

Он раскрыл папку, зашелестел бумагами и фотография-

ми. Руст поправил очки и долго изучал страницу за страницей. Потом переключился на фотографии.

– Кто это? – кивнул он на черно-белое фото.

– Франц Шмидт. Командир дивизеншутцкоммандо, штурмбаннфюрер.

– А эти люди?

– Два его ближайших помощника: оберштурмфюреры Петер Флейг и Хуго Шрайбер.

– Какова роль этой троицы?

– Согласно разработанной мной схеме, Шмидт руководил эвакуацией сокровищ из Северной Африки и организацией двух тайников. Флейг стал источником ложной линии, ведущей к тайнику-пустышке. Второй носит зашифрованные координаты истинного места захоронения шести несгораемых ящиков с золотом и древнеегипетскими артефактами.

– Носит? – беспокойно заерзал в кресле толстяк.

– Именно.

– Позвольте, Кристиан, а масоны из «Комитета» не смогут воспользоваться закодированной информацией раньше нас?

– Один шанс на миллион, – отрезал тот. – Нам самим придется немало потрудиться, чтобы расшифровать координаты на теле носителя и выяснить, где покоятся сейфы.

– Хуго Шрайбер, – задумчиво произнес Людвиг. – Надеюсь, он сменил имя после войны?

– И не однажды. В сорок пятом году он стал итальянским подданным, в сорок восьмом – португальским. А в пятиде-

сят девятом я лично помог получить всей его семье испанские паспорта. С тех пор Хуго Шрайбер зовется Фернандо Лопесом.

– Где его искать, господин генерал? – спросил Вальтер.

– В Барселоне, – без запинки ответил Рауфф, демонстрируя великолепную память. – Он живет в одном из уютных кварталов Барселоны, называемом «эль Гинардо».

В большом холле повисла тишина.

Опираясь на палку, Людвиг Руст тяжело поднялся, подошел к окну и, не поворачивая голову, спросил:

– Вы готовы, Кристиан, заняться этим делом?

– Готов, – вздохнул хозяин дома. – Но мне понадобится много денег и несколько помощников.

– Считайте, они у вас уже есть, – произнес бывший генерал-лейтенант. – Я привез вам наличные и чековую книжку на сумму в четверть миллиона. А у него, – кивнул он на Вальтера, – целая армия наших последователей, живущих в каждой стране, – молодых, решительных и жаждущих настоящих приключений...

Глава пятая

Италия, Савона

Средиземное море, борт круизного лайнера

Наше время

Все утро я сижу на верхней палубе круизного лайнера «Costa Fortuna» – близнеца недавно погибшего у берегов Италии лайнера «Costa Concordia».

«Fortuna» – настоящий памятник итальянским трансатлантическим лайнерам, курсировавшим в далеком прошлом между Европой и Америкой. Интерьер выполнен с таким расчетом, чтобы напоминать об исследованиях и великих открытиях эпохи Ренессанса. В целом это добротное и относительно новое судно класса «стандарт». Не чета той же «Costa Allegra», более полувека назад сошедшей со стапелей в качестве контейнеровоза, перестроенного затем в пассажирское судно и едва не сгоревшего дотла в Индийском океане.

Центр огромного открытого пространства верхней палубы занимает прямоугольный бассейн со странной скульптурной композицией из не пойми чего. Вокруг водоема – ряды лежаков, у невысокой надстройки под четырьмя желтыми «грибами» – россыпь круглых столиков. За одним из них восседаю я и сквозь темные очки взираю на трех юных нимф, беспечно плещущихся в бассейне. Наше судно только что отошло от причала круизного порта Савоны, а туристы уже

вовсю обживают места отдыха: бары, двухуровневые рестораны, казино, бассейны... Оказавшись на борту этого гиганта, я отыскал с помощью расторопного стюарда каюту, на пороге которой повстречал горничную – девочку-китайку. Она смешно кивала головой и долго извинялась за то, что не успела должным образом прибраться. «Ладно, не проблема!» – весело шлепнул я по упругой азиатской заднице. Китайка пошло хихикнула и исчезла в коридоре...

Шестой час вечера. Солнце понемногу клонится к западным холмам. Погодка «шепчет»: на небе ни одного облака, теплый воздух приятными волнами окатывает тела отдыхающих.

За соседним столиком пьет толстый грек с пшеничными усами. В его высоком бокале колышется напиток ядовито-желтого цвета, вероятно, очень крепкий, потому что после каждого глотка грек морщится и шумно выдыхает.

В трех шагах негромко спорят пожилые супруги из Штатов. Несомненно, это американцы: надменность в каждом движении, оценивающие взгляды, истерические интонации. И, конечно же, гордость! Безграничная гордость за то, что именно Америка победила фашизм во время корейской войны в Ираке.

Лайнер уверенно идет юго-восточным курсом, впереди целая неделя безмятежной жизни в путешествии по странам Средиземноморья. Короче, не бытие, а джаз. В багажном рундуке каюты дожидается вместительная сумка с мо-

им неизменным отпускным набором: ластами, маской и миниатюрным французским аквалангом, выполненным в виде удобного рюкзачка с фонарем и ножом в комплекте. В двух шестилитровых баллонах под хорошим давлением забита специальная гелиевая смесь, позволяющая ходить на приличные глубины. Приятно, знаете ли, отдаться любимому делу не по обязанности, а по доброй воле. Шпионский вид акваланга (с острым ножом в придачу) часто вызывает подозрения у пограничников и таможни, однако после короткого ознакомления с сертификатом и паспортом, которые я всегда таскаю с собой, все вопросы снимаются. Вот и на этот раз в порту Савоны при прохождении процедуры амбаркации на борт гигантского лайнера досматривающий офицер вопросительно уставился на меня, узрев в сумке «рюкзачок» с парой баллонов, загубником и внушительным ножом на плечевом ремне.

– Diving, – озвучил я интернациональное название своей специальности. – Professional diving.

Признав во мне почти коллегу, итальянец расплылся в широченной улыбке и, завершив досмотр, пригласил пройти в каюту...

Не знаю, удастся ли воспользоваться аквалангом в недельном круизе, ведь «Costa Fortuna» заходит в довольно большие города: Неаполь, мальтийскую Валетту, Кальяри. На тамошних пляжах, как правило, свирепствуют спасательные службы, не позволяющие заплывать за пределы мутных при-

брежных вод. Исключением является лишь крохотный городок Аяччо на юге Корсики, где наш лайнер сделает последнюю остановку запланированного круиза. В Аяччо нет многолюдных пляжей, сравнимых с лежбищами тюленей – в этот город туристы едут со всего света, совершая паломничество на родину Наполеона. Вооружившись фото- и видеоаппаратурой, народ рванет запечатлеть колыбель узурпатора, а я в это время мог бы арендовать катерок и вдоволь насладиться видами морского дна.

Вот такие у меня скромные планы на подаренное Горчаковым счастье в виде отпуска. Пока я летел в Италию рейсом из Москвы, не раз охватывало сомнение: а вдруг это сон? Вдруг сейчас запищит будильник, я открою глаза и снова увижу осточертевший антураж холостяцкой квартирки? Хотя и сейчас такое ощущение, будто все вокруг подернуто пеленой.

Дабы развеять сомнения, незаметно щиплю себя за ляжку...

Больно! Значит, не сплю. И то слава богу.

Идея отправиться в круиз родилась с подачи Горчакова в седьмой аудитории учебного корпуса нашей подмосковной базы. Покуда Устюжанин подводил итоги тестирования, я стоял у окна, глядел на высокие сосны и выбирал наилучший способ отвлечься от повседневной рутины...

Меньше всего хотелось провести отпуск дома, в изрядно надоевшей духоте, с постоянным бардаком и шумными со-

сеядями. Чем можно себя порадовать в родных пенатах? Для начала выплюсь, а потом? Лежать на диване, потягивать пиво и глазеть в «ящик»?.. Нет уж, увольте! «Ящик» по всем каналам транслирует «радость электората» – криминал, политику и светскую блевотину. Ах да, еще мои любимые телепередачи, подробно рассказывающие тому же контингенту (криминалу, политикам и господам из шоу-бизнеса), как в московской квартире за пару лишних миллионов отремонтировать детскую комнату или соорудить на подмосковной даче швейцарское шале с банькой. К тому же я не театрал, не любитель музеев и выставок, ночные клубы с ресторанами хороши в меру – ежели с ними перебраться, то и отдых покажется каторгой.

В общем, столица отпадает. В конце отпуска я обязательно заеду в родной Саратов к маме, а пару недель нужно провести в Европе. И начать желательно с релаксации на борту круизного лайнера. «Итак, решено, – подумал я, возвращаясь с небес на землю. – Сегодня напишу рапорт, а завтра прошвырнусь по турагентствам...»

Шеф оказался настолько щедрым, что не только предложил отпуск, но и вызвался подбросить до аэропорта. Я согласился, и через пару дней его представительское авто подхватило меня возле КПП.

Продрались сквозь пробки в Шереметьево. Жара. Толчея. В моем кармане лежал билет на рейс «Москва – Генуя». Мы спрятались от солнца под козырьком главного входа и

обсуждали последние новости, когда к нам подошел классический седобородый бомж с просьбой выдать десять рублей на поправку здоровья. Выдали. А потом и сами решили чего-нибудь выпить, перед тем как я исчезну в лабиринтах аэропортовых терминалов.

Присев за столик небольшого кафе, шеф глянул из-под кустистых бровей:

– Коньячку?

– Лучше холодного пива.

– И то верно, – согласился он. – В такую жару крепкий алкоголь противопоказан.

Общаясь в то утро с шефом, я вновь заметил легкий налет обеспокоенности. Моих осторожных вопросов он либо не слышал, оставаясь на своей волне, либо отмахивался: «Так, небольшие проблемки», и тут же менял тему разговора. Но я-то видел – что-то не так.

Покончив с пивом, мы попрощались. Генерал посмотрел на часы, пожал мою руку и направился к выходу, я же зашагал в зону регистрации пассажиров. А через час мой самолет взмыл в воздух и повернул на юго-запад...

Идет третий час моего средиземноморского круиза: полоска берега все дальше, солнце все ниже, а южный ветерок крепчает. Я по-прежнему сижу за столиком на верхней палубе неподалеку от большого бассейна, лениво потягиваю слабоалкогольный коктейль и наблюдаю за тремя девицами...

«У одной неплохая фигурка, но с мордочкой родители пе-

рекурили. Вторая мелковата и слишком молода – лет шестнадцать. А третья «штучка» ничего... в желтом бикини». Поправляю темные очки и, включив фантазию, лишаю ее последних элементов одежды.

Вскоре в мои приятно-возбуждающие грезы вероломно вторгается крутобокая баба с повадками массовика-затейника из ЗАГСа. Прошаркав по палубе дерматиновыми шлепанцами, она устраивается в пяти шагах и трубит баритоном на задержавшихся у воды детишек. По аляпистому прикиду, цыганскому макияжу, шумной нагловатости и уральскому говору я тотчас признаю соотечественницу. Детский визг и унтер-офицерские замашки российской домохозяйки служат сигналом тревоги – отдыхающий люд дружно направляется к трапам, ведущим на нижние палубы. Засобирались и мои девочки в бикини.

С тяжким вздохом вспоминаю некогда услышанную мантру, согласно которой все дураки, воры и стервы с российскими паспортами после смерти в наказание снова рождаются на одной шестой части суши. «Так им и надо!» – потянувшись и хрустнув суставами, встаю с удобного лежака...

Спустившись на палубу ниже, поворачиваю к длинному коридору и внезапно сталкиваюсь со странной парочкой: симпатичная молодая девица толкает впереди себя инвалидную коляску с худым желтолицым старичком. Посторонившись, провожаю их взглядом. Старичок для моего полного гормонов организма не интересен, а вот барышня... Она

словно сошла с обложки модного журнала: идеальная фигурка, длинные ножки, мраморная кожа, русые волосы, ровной волной лежащие на плечах...

Интересно, куда они собрались?

Коляска останавливается у нижней ступени. Девушка беспомощно глядит по сторонам...

Понятно. А сразу попросить о помощи дворянское происхождение не позволяло?

Ладно, хватит ворчать, коль появился отличный повод познакомиться.

Возвращаюсь и показываю на верхнюю палубу:

– Туда?

Она кивает и лепечет что-то по-английски. Сам я на этом языке могу виртуозно материться и сказать десятка три заученных фраз, зато других понимаю с полуслова.

Подхватываю старичка – он легок, как прима Большого театра, девушка ловко отодвигает коляску, и мы неторопливо взбираемся по ступеням...

Все, мы наверху. Здесь по-прежнему визжат дети и зычно командует их мамаша.

Усаживаю старичка на шезлонг – он улыбается, потешно тискает мою ладонь. Вообще, он здорово смахивает на слабоумного, но мне до него нет дела – я искоса поглядываю на молодую женщину и подмечаю теплый взгляд, исполненный благодарности.

Обнадеживает. Теперь она просто обязана выйти за меня

замуж! На ближайшие дни пять или шесть...

Посчитав наше мимолетное общение с симпатичной девицей не слишком веским основанием для организации романтического вечера, я решаю остаться на верхней палубе, дабы помочь престарелому дяде спуститься вниз. После этого она точно не откажется выпить со мной в ближайшем баре.

Расчет оказывается верным. Во-первых, через несколько минут она сама подходит с просьбой переместить дедушку подальше от орущей русской тетки, что я с радостью исполняю. А когда солнышко зависает над правым бортом, готовясь нырнуть за горизонт, девица жалобно глядит в мою сторону и негромко причитает:

– Help me, please. Help me...

Для понимания данной фразы вовсе не обязательно быть лингвистом и полиглотом. Достаточно не прогуливать уроки иностранного языка в школе и посмотреть несколько американских фильмов с плохеньким закадровым переводом.

– Всегда пожалуйста! – бодро вскакиваю с лежака и принимаюсь за дело.

Старичок на свежем воздухе разомлел: мышцы расслаблены, веки отяжелели, голова едва держится на тонкой шее. Его сопровождающая шустро спускается первой и готовит коляску, оставленную палубой ниже. Я же осторожно нащупываю ногами каждую ступеньку...

На середине трапа стопа подворачивается, и я на мгновение теряю равновесие. От падения спасает реакция и бли-

зость широких перил, за которые хватаюсь одной рукой. Мы удерживаемся на середине трапа, лишь светлая кепка, сорвавшись с головы старичка, кувыркается вниз.

На секунду остановившись, я облегченно выдыхаю:

– Фу-ух! А могло быть и хуже...

Однако у старичка на сей счет свое мнение. Смешно прикрывая ладонями плешивое темечко, он панически хороводит руками и верещит дребезжащим тенором:

– The cap! My cap!..

– Не дергайся, дедуля, – поудобнее перехватываю я его тщедушное тельце. – Сейчас спустимся и найдем твою кепку.

Дед не унимается.

– Find my cap! Quickly!.. – твердит он, пока усаживаю его на коляску.

Наконец девушка подает потерянный головной убор. Заполучив пропажу, старик кропотливо водружает ее на голову, а я недоумеваю: «Чего ж ты так всполошился?! Вроде и кепка копеечная, и от яркого солнца мы надежно укрыты!..»

Впрочем, черт с ним, дед достиг такого возраста, что глупо требовать от него адекватного поведения.

– Спасибо, – благодарит девушка и намеревается отчалить вместе с коляской.

– Подожди, – удерживаю ее за руку. – Мы еще увидимся?

– Сальвадор любит дышать свежим морским воздухом.

Если пообещаешь помогать взбираться на верхнюю палубу, то...

– Обещаю. Его зовут Сальвадор? – киваю на старика.

– Да.

– А тебя?

– Леона. – Девушка одаривает меня улыбкой, освобождает руку и катит коляску по длинному коридору.

«Хороша, чертовка, – ощупываю я взглядом идеальную фигурку. – Надо обязательно познакомиться поближе».

Леона поворачивает к лифту и исчезает вместе с коляской за его широкими дверцами...

Пора и мне вернуться в роскошную каюту класса «Suite» и посвятить один час комплексу специальных упражнений. Ведь даже здесь – на борту располагающего к отдыху лайнера, не стоит забывать о физической форме.

В каюте застаю старую знакомую – девочку-китайку. Завидев меня, она смешно кланяется и вновь принимается за работу – жужжит пылесосом.

– Водочки выкушать не желаешь? – напрямик направляюсь я к мини-бару.

Она что-то мяукает в ответ.

– Понял-понял – не хочешь понижать градус. – Набиваю бокал льдом и доливаю алкоголем. – Разумное решение...

Девчонка заканчивает с уборкой и проходит мимо меня, нарочито виляя стройными бедрами. Я снова не могу устоять и шлепаю по упругой заднице.

Реакция слегка озадачивает. Держа в руках шланг от пылесоса, горничная останавливается и, понизив голос, выда-

ет длинную фразу, состоящую из коктейля английских и китайских слов. Однако смысл доходит до меня быстро.

«Если вы пригласите меня в гости, то я приду. Но у меня есть три условия. Первое: свидание состоится поздней ночью. Второе: о нем никто не должен знать. И третье: оно оплачивается отдельными чаевыми».

«О как! – У меня отпало всяческое желание прикасаться к ее попе. – Сплошные бабки – и никакой романтики!..»

– Я обдумаю ваше предложение, – членораздельно отвечаю я по-английски и, заперев за девицей дверь, усаживаюсь в удобное кресло.

Есть не хочется, спать тоже. Вооружившись пультом, я принимаюсь «листать» каналы... Вскоре натякаюсь на футбол в российском исполнении – играла одна из московских команд против одной из кавказских.

Поморщившись, выключаю «ящик» и падаю в кровать – в таких матчах простому россиянину, родом из Саратова, Курска или Воронежа, и поболеть-то не за кого...

Глава шестая

Испания, Жирона – Барселона

Девять дней назад

Ночью на старом кладбище Жироны было мрачно и жутко. К тому же сказывалась близость моря – насыщенная влагой прохлада проникала в каждую складку легкой одежды.

Давид с Томасом и Огюстеном сидели на краю гранитной плиты и ежились от колючего ветра. Над головой мерцало звездами южное небо, под ногами в глубокой яме копошились два местных парня.

– С ума сойти, – шептал Томас, держа фонарь и направляя луч в яму. – Пару лет назад я отдыхал в тридцати километрах к юго-востоку – на пляжах Паламоса.

– Никогда не посещал испанских пляжей, – мотнул головой еврей.

– О-о, ты много потерял. Там горячий песок золотистого цвета, там плещутся волны теплого моря и гуляют девушки в соблазнительных бикини. А здесь просто Сибирь!

– Ты и в Сибири успел нарисоваться?

– Нет. Просто я кое-что о ней слышал.

– Советую разок съездить. Для общего представления.

– Ты побывал и в России? – удивился Томас.

– Было дело. Несколько лет назад.

– Неужели там еще противнее?

– В сибирском климате есть своя прелесть. Там не противно. Там широко и безысходно.

– Почему?

– Видишь ли, Европа слишком многолюдна и лишена полезных ископаемых, что делает любую власть стоворчивой с простым народом, ибо только народ производит совокупный продукт производства. А в России холод, необъятные горизонты, огромные запасы углеводородов и алчная централизованная власть, которой до народа нет никакого дела.

– Ужасно! Никогда не понимал этих русских...

Давид надменно улыбнулся, затем, словно вспомнив о чем-то важном, беспокойно посмотрел на восток и вздохнул:

– Светает, долго им еще?

– Минут пять, – откликнулся Огюстен. – Слышите глухой звук от лопат?..

Солнце оставалось за горизонтом, однако небо уже прикоснулось своим загадочным фиолетовым светом к черепичным крышам небольшого испанского городка и его старинного кладбища на северной окраине.

Место скорби и вечного покоя в предутреннем темно-синем мареве неожиданно показалось красивым. Израильтянин с удивлением осмотрелся по сторонам... Склепы, кованые калитки, мозаики, бесчисленные фигурки ангелов, сопровождающих усопших в мир иной, обвивающий надгробия плющ, символизирующий бесконечное течение време-

ни, мраморные женские фигуры с печальными лицами. Полная гармония с природой.

– Готово, – послышался усталый голос из могилы.

Два молодых испанца, нанятых еще вечером неподалеку от железнодорожного вокзала Жироны, закончили расчищать гроб от остатков грунта.

– Вскрывайте, – приказал Давид.

Через минуту головная половинка некогда лакированной крышки поддалась усилиям и со скрипом приоткрылась.

– О, черт! – зажал нос один из испанцев.

– Вот это вонища! – с отвращением отвернулся другой. – Мы не знали, что придется работать в таких условиях...

Томас протянул заранее приготовленные медицинские маски.

– Держите.

Закрыв нижнюю часть лица такой же, он натянул на руки резиновые перчатки и, спрыгнув вниз, полностью открыл крышку. В гробу лежали останки мужчины.

– Выбирайтесь наверх и покурите, – разрешил молодой человек.

Землекопы послушно вылезли из могилы, отошли к соседнему надгробию, зашуршали сигаретами.

– Ну что там? – нетерпеливо прошипел израильтянин.

– Посветите сюда, – попросил Томас.

Дрогнув, луч осветил покойника – глубокого старика, одетого в эсэсовский мундир. Давид замер, разглядывая пыль

истории и то, что было под ней: траурно-черный китель, красная повязка со свастикой, светлая рубашка, матовый блеск пуговиц, петлиц, шевронов, железных крестов и нагрудных знаков.

Томас приподнял голову покойника и разочарованно доложил:

– Ничего.

– Что значит «ничего»?! – недовольно воскликнул Давид.

– Это значит, что с его головы срезан скальп.

– Срезан?!

Не дожидаясь уточнений, пожилой еврей сам спрыгнул в могилу и, оттолкнув помощника, осветил темечко старика.

– Действительно, – проворчал он, обнаружив вместо кожи с остатками седых волос голую кость черепной коробки. – Черт возьми, что бы это могло значить?..

Огюстен, будучи неглупым малым, сразу разложил ситуацию по полочкам:

– Либо в особняке Рауффа нам подсунули фальшивые документы, либо нас кто-то опередил.

– Либо это не Хуго Шрайбер, – добавил Давид, задумчиво почесывая массивный подбородок, и, покосившись на испанцев, добавил: – Пора заканчивать с эксгумацией...

Вспотевшие парни закидывали в потревоженную могилу последнюю землю. Оставалось переместить небольшую кучку высотой полметра, а затем подвинуть на место плоскую надгробную плиту с именем и датой смерти усопшего.

Давид незаметно кивнул Томасу.

Тот вытащил из-под пиджака пистолет с глушителем, прицелился и несколько раз нажал на спусковой крючок. Над могилами прозвучали хлопки.

Глухо охнув, испанцы попадали.

Огюстен с Томасом вооружились лопатами и принялись закидывать трупы остатками земли.

Через четверть часа внешний вид могилы был приведен в относительный порядок. Во всяком случае, зритель или кто-то из проходящих мимо посетителей не сразу обратят внимание на следы недавнего вскрытия.

Взошедшее солнце все разом переменяло: ветер стих, воздух потеплел, запели птицы. Ожил и город – на тротуарах появились люди, дороги заполнились автомобилями.

– Здесь, – не отрывая взгляда от карты на экране мобильного телефона, доложил Огюстен.

Давид принял вправо, остановил машину и огляделся. Нужный адрес они отыскали на узкой улочке довольно скромного района на южной окраине Жироны.

– Шесть утра, – посмотрел на часы израильтянин. – Думаю, она еще дома...

Мужчины вышли из автомобиля и направились к подъезду.

Слева в стену была вмонтирована панель домофона с номерами квартир и кнопками, однако простенькая входная дверь оказалась не запертой.

– Жители маленьких городишек ни черта не боятся, – улыбнулся маленькой удаче Томас.

– Здесь случается полтора преступления в десять лет, – поддержал Огюстен. – И те – мелкие кражи...

Они отыскивали квартиру под номером пять. Именно этот адрес значился в документах Рауффа, аккуратно скопированных при помощи цифрового фотоаппарата. В квартире, судя по добытым сведениям, проживал до своей смерти Хуго Шрайбер – один из заместителей командира дивизеншутцкоммандо штурмбаннфюрера Франца Шмидта. Однако в могиле, по убеждению Давида, лежал кто-то другой.

В левой руке Томас держал портфель со специальным медицинским инструментом, а правая привычно нырнула под пиджак.

– Не спеши, – остановил его Давид и позвонил в дверь.

В прихожей слышались шаги, щелкнул замок, дверь распахнулась.

– Доброе утро, и прошу извинить за столь ранний визит – мы прямо из аэропорта, – приветливо улыбнулся он.

Хозяйка квартиры – женщина лет шестидесяти – окинула мужчин удивленным взглядом и полным недоумения голосом произнесла:

– Здравствуйте.

– Дело в том, – напирал Давид, – что мы разыскиваем родственников Фернандо Лопеса. Вы не могли бы нам помочь?

– А зачем вам его родственники?

– Видите ли, мы работаем в Фонде содействия ветеранам Второй мировой войны. Я – Альфред Айзенберг, а это мои помощники: Рудольф и Карл. Мы привезли вам неплохую новость.

– Что ж, проходите, – посторонилась женщина. – Но мой отец давно умер...

Мужчины прошли в прихожую и незаметно переглянулись: главное было сделано – их впустили в квартиру.

Представившись Изабеллой, хозяйка провела ранних гостей в небольшой зал.

– Не хотите ли кофе?

– Благодарю, мы спешим, – вежливо отказался Давид. – Видите ли, недалеко от Лиссабона, в таком же небольшом городке живет вдова генерала вермахта. Она – наш следующий клиент.

– Могу ли я узнать, зачем вы навещаете родственников бывших немецких офицеров?

Израильтянин покосился на дверь в спальню:

– Мы одни?

Женщина удивленно вскинула брови.

– Прошу извинить за мой вопрос, – поспешил объяснить свое любопытство Давид, – но ваш отец служил в таких частях германской армии, что посторонним людям лучше об этом не знать. Поймите, это в ваших же интересах.

– Не волнуйтесь, в квартире никого, кроме нас.

– Хорошо. Надеюсь, вы в курсе, что Фернандо получал из

Фонда скромную материальную помощь?

– Да, иногда ему присылали деньги.

– Дела нашего Фонда несколько улучшились, – доверительно сообщил израильтянин, – и поэтому совет постановил оказать разовую помощь близким родственникам ветеранов, ушедших от нас в последнее десятилетие.

– Боже, – прошептала Изабелла и сложила ладони, словно в молитве. – Ваша помощь пришла удивительно вовремя! Из-за кризиса у нас постоянно растут цены.

Давид кивнул Огюстену. Тот вынул из плоской папки лист бумаги с текстом на немецком языке и протянул его дочери покойного эсэсовца.

– Но я не знаю немецкого, – виновато улыбнулась она, а Давид, положив на стол тонкую пачку банкнот, пояснил:

– Простая формальность для отчета – напишите внизу разборчиво свою фамилию и поставьте дату.

Спустя минуту они уже прощались.

– Да, чуть не забыл! – спохватился в прихожей израильтянин. – Скажите, Изабелла, а где найти других родственников Фернандо? Ведь им тоже полагается помощь. Деньги небольшие, но...

– Других? – растерянно переспросила она. – Вообще-то Фернандо просил никому не говорить. Но если дело касается финансовой помощи, то... Одним словом, есть еще один родственник.

– И кто же он?

– Мой дядя.

– То есть у Фернандо был родной брат?

– Да-да, брат-близнец. Его зовут Сальвадор. К сожалению, мы не встречаемся, и я ничего о нем не знаю.

– Вероятно, он тоже нуждается в средствах, ведь кризис не щадит никого.

Сомнения одолевали женщину, и Давиду пришлось включить все свое обаяние и напор.

– Вы не могли бы назвать хотя бы адрес? На обратном пути из Лиссабона у нас будет несколько свободных часов – мы бы навестили его и передали деньги.

При вторичном упоминании о деньгах Изабелла окончательно поверила в благочестивые намерения сотрудников Фонда.

– Он живет в Барселоне, – решительно произнесла она. – Записывайте: район эль Гинардо, улица Флорентийская, дом...

По дороге в Барселону Томас сокрушался:

– Зря мы ее не пристрелили. Ты уверен, что она не связана с нацистами и не предупредит о нашем появлении?

– Не тот случай, – самодовольно улыбался Давид. – Разве ты не видел, как она изменилась при упоминании о материальной помощи? А какая алчность появилась в ее глазах, когда я положил на стол деньги!

– Заметил.

– Никуда она не побежит и названивать не станет, – под-

держал Огюстен. – Расположение недобитых нацистов еще надо заслужить, а тут с неба упали живые деньги...

– Дай бог, чтобы вы оказались правы... – Томас широко зевнул.

Автомобиль резво ехал по трассе AP-7, соединяющей испанское побережье с югом Франции. Развалившись в одиночестве на заднем сиденье, Огюстен лениво посматривал на экран мобильного. Обязанность вести ориентировку на местности лежала на нем.

Позади остался живописный городок Сан-Селони, впереди открывался вид на пригород Барселоны – мелкие и давно сросшиеся в единый массив деревни: Ла-Льягоста, Рипольет, Сантельвира...

В Барселону они въехали в половине десятого. Перед запутанной развязкой Давид спросил:

– Куда?

– Едем по Av de la Meridiana до пересечения с San Antonio, – бесстрастно ответил «штурман».

Еще полчаса ушло на дорогу до нужного района в большом незнакомом городе.

Наконец у подножия зеленого холма Огюстен объявил:

– Флорентийская. Мы почти на месте.

– Calle de Florencia, – прочитал табличку Давид и пожал плечами: – Похоже на то.

Они медленно проехали по тенистой улочке, состоящей всего из пяти кварталов.

– А вот и дом № 21, – кивнул Огюстен на современное здание из красного кирпича, занимавшее весь последний квартал.

Это был обычный многоквартирный дом, опоясанный сплошными балконами с цветущей зеленью. Через дорогу раскинулся парк с аллеями, лавочками, ровно подстриженными кустами и декоративными фонарями.

Припарковав машину, Давид визуально изучил «объект».

– Да-а, – разочарованно протянул он, – барселонцы не столь доверчивы, как жители Жироны.

– Ты о решетках? – поморщился Томас.

– О них. Посмотри, даже на окнах шестого этажа смонтированы рольставни.

– Это верно. А два первых этажа вообще неприступны.

– Сдается, что и в подъезд без звонка к хозяевам квартиры не прорвешься.

Томас зло сплюнул в окно. Но Огюстен успокоил его:

– Не расстраивайтесь, есть один верный способ.

– Какой?

– Покурим у двери и прошмыгнем внутрь, когда выйдет кто-нибудь из жильцов. Я всегда так поступал, когда жил с родителями в Брюсселе.

– А почему бы нет? – хохотнул Томас. – На юнцов-вандалов, на грабителей или бездомных мы не похожи. Вполне приличные люди.

– Ты забыл про киллеров, – поддел его Давид и выбрался

из салона. – Пошли.

Прихватив портфель с медицинским инструментом, молодые напарники поспешили за шефом...

Район не отличался чистотой и роскошными постройками.

– Это нам на руку, – сказал Давид, – значит, в подъезде не должно быть консьержа...

Он оказался прав – за прозрачной дверью не было ни души. Вскоре им снова повезло: стоило Томасу поднести к сигарете зажигалку с язычком пламени, как щелкнул замок, дверь открылась, и на пороге появился мальчуган с ранцем на спине. Мужчины тотчас побросали сигареты и, пропустив мальчугана, ринулись в подъезд...

Интересующая квартира оказалась на третьем этаже. На осторожный стук никто не ответил. Израильтянин постучал громче...

И снова тишина.

– Что за день сегодня?! – процедил он сквозь зубы. – По мелочам везет, а в главном – сплошные неудачи. – И постучал в третий раз, еще сильнее.

Это возымело действие, но опять не там, где хотелось бы, – скрипнула соседская дверь.

Мужчины резко обернулись. В узкую щель выглядывала сморщенная старушенция.

«Люди преклонного возраста не любят хамов, зато всегда готовы помочь тем, кто уважает старость», – припомнил Да-

вид.

Вежливо поклонившись, он поздоровался и посетовал:

– Я приехал с коллегами-врачами навестить вашего соседа, а он почему-то не отвечает. Мы беспокоимся – уж не случилось ли с ним чего?..

– Он уехал, – равнодушно сообщила бабуля и попыталась закрыть дверь.

– Одну минутку! Не подскажите, куда? Это очень важно, потому что мы привезли дорогостоящие лекарства.

– Не знаю. Сопровождавшая его девчонка говорила с кем-то по телефону и обмолвилась об Италии.

– Об Италии... А конкретно? Вспомните, прошу вас!

– Не знаю, – неприязненно повторила она, но, посмотрев на тяжелый портфель с «дорогими лекарствами», смягчилась: – Кажется, они отправились лечиться в Савону. Да-да, девчонка говорила про Савону.

– Давно?

– Вчера...

Дверь захлопнулась, в подъезде снова стало тихо.

Давид направился к лестнице, бросив через плечо:

– Да здравствуют любопытные и все знающие старушки!

Поехали...

Уже в машине Огюстен достал свой коммуникатор и заинтересовался:

– Куда едем, босс?

Постукивая пальцами по рулю, тот на секунду задумался,

затем вздохнул и обернулся назад:

– В Савону. Попробуем разыскать там Шрайбера.

– Это будет непросто, – заметил Огюстен. – Нацисты не станут разгуливать с ним по городским улицам, а, скорее всего, спрячут в неприметном отеле для туристов со скромным достатком.

– Согласен, задача сложная. Но мы обязаны отыскать его следы...

Глава седьмая

Средиземное море, борт круизного лайнера

Италия; Неаполь

Наше время

Поздний вечер. Мы стоим под ночным небом и любуемся разлитыми по небу брызгами Млечного Пути.

«Costa Fortuna» рассекает острым форштевнем волны и упрямо двигается на юго-восток. На горизонте весело подмигивает нескончаемая ленточка огней – это западное побережье Апеннинского полуострова, плотно заселенное жителями Италии. Завтра в час дня наш лайнер пришвартуется к одному из причалов Неаполя, и мы прогуляемся по узким улочкам старинного города. Мы – это я и Леона.

А сейчас мы стоим на палубе, держимся за леерные ограждения, и наши руки слегка соприкасаются.

Девушка только что дала согласие на совместную прогулку и теперь загадочно улыбается, глядя вдаль.

– А старик? – с надеждой спрашиваю я.

– Увы, он будет с нами...

У нее великолепные формы, смуглая кожа, голубые глаза и, как выражаются кинокритики, «психофизика девочки из интеллигентной семьи». Ей двадцать пять. Человек в этом возрасте счастлив. Просто и по определению счастлив, потому что получил образование и работает. Потому что два-

дцать пять – это возраст самостоятельного человека, и родители могут идти хвойным лесом со своей извечной опекой. Наконец, потому что впереди целая жизнь.

– Сальвадор – твой родственник? – тихо спрашиваю я, разбавляя тишину.

– Нет. Я работаю в испанском государственном фонде «Каритас».

– Ты не могла бы использовать менее длинные фразы? Длинные я не запоминаю.

– «Каритас» – благотворительный фонд, оказывающий помощь старикам, детям, многодетным семьям, иностранцам, – поясняет она.

– Понятно. Кстати, я для вашего фонда – иностранец.

Понимая намек, она смеется. А я напирваю:

– Неужели твоему подопечному не требуется отдых после обеда?

– Возможно. Я что-нибудь придумаю, – тихо шепчет она и бесшумно исчезает в коридоре.

«А могли бы придумать вместе. И прямо сейчас», – с тоской посмотрев на луну, плетусь я в свою роскошную, но пустую каюту...

Следующий день начался с неприятных сюрпризов.

Приведя себя в порядок, наскоро позавтракав остатками вчерашнего ужина, я иду нескончаемыми коридорами к Леоне и строю на ходу грандиозные планы. «Для начала мы проведем несколько незабываемых часов, прогуливаясь по улоч-

кам Неаполя. Затем вернемся на борт лайнера, посидим в ресторане, после чего продолжим приятное знакомство в ее или в моих апартаментах». Чем не романтический проект?

Предвкушая скорую победу, стучу в дверь.

Однако вместо приглашения войти внезапно слышу хриплый голос проходящего мимо стюарда.

– Пассажирка из этой каюты недавно сошла на берег со стариком-инвалидом на коляске...

Ясно...

Вчера в ее глазах блестел азарт, на губах блуждала похотливая улыбка, а сегодня она попросту сбежала. Неужели интуиция меня подвела? Странно...

Ее поведение действительно кажется необычным, ибо я издавна считал себя неплохим психологом и знатоком противоположного пола. Все-таки через мои «тренерские» объятия в год проходило не меньше женской команды по водному поло.

Перед сходом с трапа ожидает второй сюрприз. У последних ступеней лестницы, ведущей к парадному трапу, лежит молодой и довольно крепкий парень с окровавленной головой. Над ним колдуют медики, а вокруг толпятся члены судовой команды.

Остановившись неподалеку, я приглядываюсь...

«А ведь мы с ним где-то встречались, – мелькает в моей памяти. – Точно, встречались! Я неоднократно видел его там, где бывали Сальвадор с Леоной – на верхней палубе, в

кафе...»

– Что с ним? – спрашиваю у одного из стюардов.

– Точно не знаю. Вероятно, по неосторожности упал с лестницы, – отвечает тот.

Сомнительно. Это сколько ж с утра надо принять на грудь, чтобы сосчитать башкой ступеньки?! Лестница не слишком крута, да и чистенькая ковровая дорожка наверняка смягчила бы удар. Похоже, ему помогли...

Мое присутствие здесь необязательно, тем более что парень пришел в себя, сел и начал объясняться с врачами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.